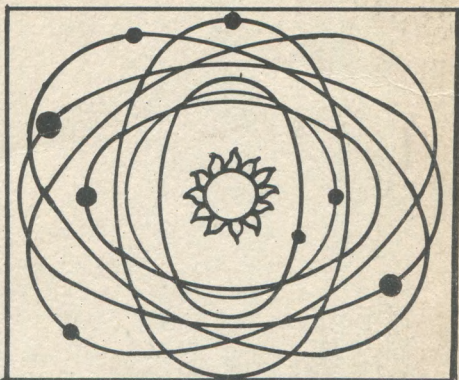
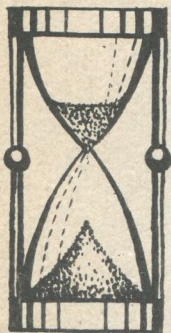

Философская
библиотечка
для юношества

Ф.А.Селиванов

ИСТИНА и ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Ф. А. Селиванов

Истина и заблуждение

***Издательство
политической
литературы
Москва 1972***

Селиванов Ф. А.

С29 Истина и заблуждение.
1972.

М., Политиздат,

96 с. (Философская б-чка для юношества).

На вопрос «что такое истина?» люди искали ответа с незапамятных времен. Не потерял он своей остроты и в наши дни. О том, почему этот вопрос можно считать «вечным», как достигается в познании истина и каковы причины заблуждений, как отличить истинное от ложного, каков критерий истины, говорится в этой книге. В ней рассматриваются коренные проблемы марксистско-ленинской теории познания, дается критика немарксистских концепций истины.

Книга будет полезна молодежи, изучающей философию, а также всем, интересующимся проблемами теории познания.

Спор этот мог возникнуть и в комнате общежития, и у туристского костра, и в актовом зале университета. Спорили студенты-первокурсники.

— Никакой ответственности за ошибку быть не может. Ведь ошибается человек не потому, что хотел ошибиться, — говорит один.

— По-моему, это вздор. Ты приведи веские основания, — заявил другой.

— И приведу!

— Ты думаешь, что можно доказать все, что захочешь?

— А разве не так? Сколько разных взглядов существует на одно и то же, и каждый из спорящих пытается доказать истинность своей точки зрения.

— Вот именно «пытается». А если воззрение ложно?

— А ты знаешь, как отличить истинное от ложного? Есть такая лакмусовая бумажка, которая бы показывала, что верно, а что нет?

— Я думаю, что есть возможность отличить истинное от ложного: иначе люди не могли бы достигать поставленных ими целей.

— Что кому нравится, тот то и утверждает. Помнишь?

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.

— Помню. Но заметь, Пушкин говорит о предпочтении истине обмана, то есть о нашем отношении к истине и обману, но вовсе не о том, что истина перестает быть истиной, если ее отвергнут и предпочтут обман. Истина остается истиной, признают ее или нет.

— Было время, когда истиной считалась идея флогистона — «огненной материи...». Оказалось, флогистон не существует. Но, возможно, пройдет какое-то время и наши сегодняшние представления о строении мира, которые мы считаем истинными, окажутся столь же ошибочными, как и «идея флогистона». Вот и получается, что истинно то, что человек считает истинным.

— Бывает, видимо, совпадение истинности и убежденности. Ведь не все идеи и представления прошлого ошибочны. Если бы люди только ошибались, принимая ложное за истинное, они бы не смогли существовать.

— Вот видишь, ты признал, что мой вывод отчасти верен. Я в свою очередь тоже вынужден признать, что и твое утверждение не лишено оснований и не является совершенно бездоказательным. Одним словом, существует возможность доказать истинность взаимоисключающих точек зрения. Но что же в таком случае истина? Существует ли она вообще? И каков ее критерий?

В самом деле, что такое истина? Является ли она объективной? Каково отношение между истиной и заблуждением, между истиной и ложью, между истиной и ошибкой?

О том, как ставятся и решаются эти вопросы в марксистско-ленинской философии, мы и расскажем в этой книге.

ИСТИНА И ЗАБЛУЖДЕНИЕ КАК ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

1. Знаменитый вопрос

В романе И. С. Тургенева «Рудин» происходит такой диалог между Пигасовым и Рудиным:

«— Я спрашиваю: где истина? Даже философы не знают, что она такое. Кант говорит: вот она, мол, что, а Гегель—нет, врешь, она вот что.

— А вы знаете, что говорит о ней Гегель? — спросил,

не возвышая голоса, Рудин.

— Я повторяю,— продолжал разгорячившийся Пигасов,— что я не могу понять, что такое истина. По-моему, ее вовсе и нет на свете, то есть слово-то есть, да самой вещи нету».

Вопрос «где истина?», который поставил в приведенном диалоге Пигасов,— постоянный вопрос философии.

На него пытались ответить еще древние мыслители. Вокруг него идут споры и в наше время. Не-

даром во все времена называли этот вопрос «знаменитым».

Раздел философии, в котором рассматривается этот вопрос, называется гносеологией, или теорией познания. Термин «гносеология» образован из двух греческих слов: «гносис» — знание и «логос» — слово, учение. Марксистско-ленинская гносеология имеет своим предметом процесс познания. Она исследует, как происходит отражение сознанием объективного мира, при каких условиях достигается истинное знание, по какому признаку истинное отличается от ложного, как возникают заблуждения, что является критерием, мерилom истинного и ложного.

Категория истины — центральное понятие гносеологии. Противоположные ответы на вопрос, что такое истина, дают идеалисты и материалисты.

Материалистический подход к истине мы находим уже в трактатах античных мыслителей Демокрита, Эпикура и Аристотеля. Аристотель писал: «...прав тот, кто считает разделенное — разделенным и соединенное — соединенным, а в заблуждении — тот, мнение которого противоположно действительным обстоятельствам... Не потому ты бел, что мы правильно считаем тебя белым, а <наоборот> — потому, что ты бел, мы, утверждающие это, правы». Соответствие утверждения или отрицания предмету объективной действительности — вот что такое истина по Аристотелю.

Эту концепцию истины разделяли все философы, развивавшие теорию познания с материалистических позиций.

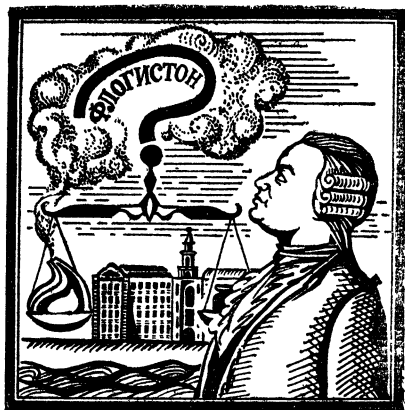
Немецкий философ-материалист Л. Фейербах считал, что «высший закон, высшая задача философии заключается в том, чтобы помыслить вещи

и сущности так, познать их такими, каковы они есть».

Я замечаю, что данный человек бледен, и на этом основании высказываю суждение «этот человек болен», которое может быть истинным, а может быть и ложным. В каком случае оно истинно? В том случае, когда мое суждение соответствует действительному состоянию данного человека. В каком случае оно ложно? В том случае, когда нет согласия между действительным состоянием этого человека и моим суждением о нем. А это значит, что истина есть именно согласие между суждением и его объектом. Так писал об истине Г. В. Плеханов.

Как видим, и античный мыслитель, и немецкий философ XIX в., и видный теоретик марксизма говорят об истине как о знании, соответствующем объективной действительности.

Марксистско-ленинская гносеология впитала в себя материалистическую традицию в решении вопроса об истине. В. И. Ленин подчеркивал в книге «Материализм и эмпириокритицизм», что основной посылкой материализма является признание независимости существования внешнего мира от сознания.

Истине противостоит ложь, истинному полярно (контрарно) ложное. Ложь — это искажение действительности в знании.

Существуют два вида ложного: преднамеренная ложь и заблуждение. Преднамеренной лжи противоположна правда. Преднамеренной ложь бывает тогда, когда человек осознает, что его

высказывания не соответствуют предмету.

Кто преднамеренно искажает действительность, является лгуном. Таков, например, Промтов в рассказе М. Горького «Проходимец», который говорит: «Царица небесная, как я врал! Что Хлестаков? Идиот Хлестаков. Я врал, никогда не теряя сознания, что вру, хотя и наслаждался тем, что вру. Так я врал, скажу вам, что даже Черное море покраснело бы, если бы оно меня слышало!»

Заблуждение — это ложная мысль или совокупность мыслей, которые субъект принимает за истинные.

Некоторые философы настаивали на том, чтобы называть указанные виды ложного разными терминами. Б. Бозанкет, английский философ, писал: «Притязание на истину предполагает различие

между истиной и ложностью. Я не говорю «между истиной и ложью», потому что ложь включает в себе обман, а обман... не есть ошибка или ложность знания. Он, можно сказать, в данном случае всецело обращается к другому лицу и не существует как отдельный вид знания». Бозанкет ссылается на Платона, который различал «ложь в словах» как обман и «ложь в уме» как ошибку.

Таким образом, преднамеренная ложь имеет место, во-первых, тогда, когда делается высказывание для других, и, во-вторых, когда делающий такое высказывание осознает, что действительность не такова, за какую он ее выдает, то есть лгущий знает, что делает ложное высказывание. Заблуждающийся же искренен, он принимает ложное за истинное. Заблуждение и преднамеренная ложь сходны тем, что не соответствуют своим предметам.

Заблуждение — это ошибка в отражении предмета субъектом. Ошибка может быть признаком как отражения, так и какого-либо действия, не соответствующего эталону, норме, алгоритму и т. п. Например, когда машинистка, работающая в органах социального обеспечения, перепечатывая философскую рукопись, заменяет слово «индивид» словом «инвалид», или когда диктор радио оговорился, прочитав «кому угрожает генерал» вместо «кому угрожает генерал», то имеет место непреднамеренная замена одних слов другими, одним словом, допущены ошибки. Но подобные ошибки нельзя назвать заблуждением. Термин «заблуждение» употребляется для обозначения ошибки в знании.

Многие ученые XVII—XVIII вв. считали, что все разнообразие процессов в природе можно свести к механической форме движения. Этот взгляд был ошибочным, ложным.

Но являлись ли эти утверждения преднамеренной ложью? Нет. Это были заблуждения, ошибки познающего субъекта, результаты неверного отражения действительности. «Все идеи,— писал Ф. Энгельс,— извлечены из опыта, они — отражения действительности, верные или искаженные»¹.

Но как возникают ложные идеи, если целью познания является истина? Как и при каких условиях происходит неверное, искаженное отражение объективной реальности?

Истина принадлежит знанию. Следовательно, чтобы понять, что такое истина, надо выяснить, что представляет собой знание, и в частности в каком случае отражение и знание тождественны.

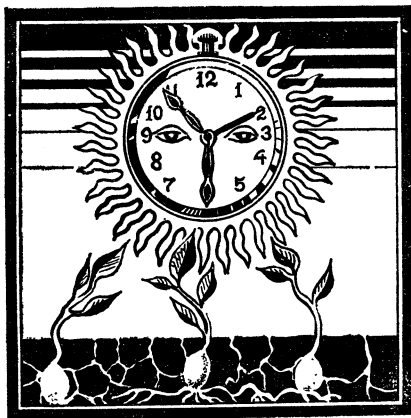
Чтобы ответить на все эти вопросы и понять, что такое истина и ее противоположность — заблуждение, следует обратиться к ленинской теории отражения, которая рассматривает отражение как всеобщее свойство вещей. Это сделать необходимо, ибо познание — вид отражения, и чтобы понять законы познания, надо знать более общие законы отражения. В. И. Ленин писал: «... кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натекаться» на эти общие вопросы»².

В марксистско-ленинской философии познание понимается как процесс отражения в сознании объективной реальности. Этот процесс носит сложный, диалектический характер, к его рассмотрению мы и перейдем.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 629.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 368.

1. Адекватность и неадекватность отражения

Мысль о всеобщности отражения была высказана В. И. Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм», где он писал: «...логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения»¹; «в ясно выраженной форме ощущение связано

только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением»².

Что это за свойство? Что имеется в виду, когда речь идет о свойстве, родственном ощущению?

Если произвести по бильярдному шару легкий

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 91.

² Там же, стр. 39—40.

удар кием, он откатится на некоторое расстояние в направлении удара. Измените силу и направление удара — шар откатится в соответствии с новым воздействием. Согните два одинаковых железных стержня, приложив к ним силы разной величины, и вы увидите соответствие изменений воздействиям.

В статье «О донервных предшественниках условных реакций» биолог А. Б. Коган рассказывает об опыте, проведенном с сеянцами фасоли. Наблюдалось, что естественные суточные колебания освещенности вызывают у растения поднятие и опускание черешка листа относительно стебля в определенном ритме. Когда растениям были созданы условия укороченного светового дня (путем затемнения светонепроницаемыми шторками за 3 часа до захода солнца), произошла перестройка ритма движения черешка — он стал начинать свое приближение к стеблю на 3 часа раньше. Растение стало «укладываться спать» в соответствии с новыми условиями.

Еще сложнее оказывается реакция на воздействие у животных. Они способны реагировать не только на непосредственное внешнее воздействие, но и на явления, представляющие собой сигналы этих воздействий.

Но во всех этих случаях имеется нечто общее: отражение одними вещами других вещей происходит при их взаимодействии. Отражение состоит в изменении свойств вещей, их структуры, состава, функций, устойчивости и т. д. Посредством таких изменений в результате взаимодействия одна вещь запечатлевается в другой, оставляет в ней след, в особенности изменений одной вещи воспроизводятся особенности другой.

Это свойство вещей и есть свойство отражения в самом общем виде.

Высшей формой отражения является сознание человека.

Отражение противоречиво, ибо вещь не только «вбирает» в себя воздействие, изменяясь в соответствии с ним, но и «сопротивляется ему», «отталкивает его». Следует сказать, что иногда термином «отражение» обозначают только эту вторую сторону его. Говорят «отразить удар», «отразить нападение», «солнечный луч отразился от поверхности» и т. п. Эти выражения могут ввести в заблуждение, если отражение понимать упрощенно. Когда противник наносит удар и этот удар отражается, то система обороны в целом сохраняется, претерпевая, однако, некоторые изменения: любое нападение причиняет какой-то урон обороняющимся, оставляет след. Солнечный луч при встрече с поверхностью изменяет направление движения. Изменяется и поверхность, отразившая луч, она нагревается, «выгорает» и т. д.

На результат отражения влияют также следы прошлых воздействий. Инерция, остаточная деформация, остаточный магнетизм, ранее испытанные растением или животным влияния среды — все это дает себя знать в акте отражения. Отражение, таким образом, есть следствие как непосредственного воздействия на данную вещь, так и ее «опыта». Одновременные воздействия на вещь могут усиливать, либо ослаблять результаты каждого из воздействий.

Если подержать правую руку в горячей воде, а левую — в холодной, а затем опустить их в воду комнатной температуры, то правой рукой мы ощутим воду холодной, а левой — теплой. Известно, например, что при некоторых заболеваниях мед кажется горьким. Объясняя подобные факты, Г. В. Плеханов писал: «...ощущение есть *результат* взаимодействия между объектом и субъектом. Совершенно естествен-

но, что результат этот зависит *не только* от свойств объекта, не только от свойств познаваемого, но также от свойств познающего».

Соответствие отражения воздействию мы будем называть адекватностью (от лат. *adaequatus* — равный, соответствующий, эквивалентный), которая, как мы видели, неразрывно связана со своей противоположностью — неадекватностью. Известно, например, что человек может неадекватно реагировать на воздействия внешней среды, если развившийся в каком-нибудь органе патологический процесс начинает посылать в центральную нервную систему импульсы, искажающие восприятие внешней среды и приводящие к ошибочной оценке как своих поступков, так и чужих. Подобные факты невозможно объяснить, если не принять во внимание физиологическое состояние человека. Здесь мы должны сказать: отражение этим человеком действительности происходит в соответствии с состоянием его организма, и ошибочность его суждений является адекватным отражением его болезненного состояния. Но с другой стороны, его суждения не соответствуют действительному, объективному положению вещей и являются поэтому неадекватным его отражением.

До сих пор для оценки результатов отражения мы пользовались терминами «адекватность» и «неадекватность». Для характеристики отражения употребляется также термин «правильное», который по объему уже, чем «адекватное», ибо им не пользуются для обозначения результатов отражения в простейших взаимодействиях, таких, как перемещение тела в пространстве, вибрация, изменение силы тока в цепи и т. п. Термином «правильное» называют лишь адекватное отражение воздействия такими системами, как техническое информационное устройство,

животное, человек, а также соответствие поведения эталону, норме, мере, алгоритму.

То, что истинно, может быть названо «правильным», но «правильное» шире по объему, чем «истинное», ибо последнее содержится только в знаниях, а «правильное» охватывает и соответствие действий эталонам. Можно сказать, «ты поступил правильно», но нельзя сказать, «ты поступил истинно».

Истиной называется правильное отражение действительности в знании. Критерием истины является практика.

Определение истины дается через родовое понятие «правильное». Истина — вид правильного, а правильное — вид адекватного отражения. Адекватность, следовательно, существует в знании как истина.

Рассмотрим подробнее, что является знанием. Познание — самый сложный вид отражения. Оно включает в себя как чувственный момент (работу органов чувств), так и рациональный (мышление).

Простейшей формой отражения в познании является ощущение — отражение свойства вещи при непосредственном воздействии на орган чувств. Различают зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные и другие ощущения.

Восприятие — это отражение совокупности свойств вещи. Восприятия моря, снегопада, леса, балета и т. п. включают в себя массу разнообразных ощущений.

Представление — это образ того, что воспринималось ранее. Образование представлений — сложный психический процесс. В представлении могут причудливо сочетаться различные элементы. Такие сочетания являются продуктами воображения, фантазии.

Без ощущений, восприятий, представлений нет знаний. Чувственные данные — непосредственный источник знаний, но знания возникают в результате совместной деятельности органов чувств и мышления. И. Кант верно отметил в «Критике чистого разума»: «Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание».

Чувственные данные можно характеризовать как правильные или ошибочные, но не как истинные или ложные. Мышление осуществляется на базе чувственных данных, оно связано с вещами через чувственный момент. Мысли — тоже отражения объективного мира. Но умственные образы, в отличие от чувственных образов, от результатов «живого созерцания», как говорил В. И. Ленин, воспроизводят мир, стражают его с помощью языка.

Понятие — мысль о признаке, выделяющем предмет или класс предметов. Понятие может находиться на эмпирическом уровне, тогда в нем закрепляется то, что встречалось в опыте субъекта. Ученики четвертого класса в ответ на вопрос «что такое плод?» указывали на его съедобность. Они просто обобщали случаи своего практического отношения к плодам. «Лошадь — на ней ездят», — говорят первоклассники.

Эмпирические понятия зачастую являются узкими по объему, смутными. Чтобы иметь понятие на теоретическом уровне, нужно познать существенный признак предмета. Школьник имеет понятие о четных числах, если знает, что признаком их является делимость на 2. Иметь понятие о материи — это знать, что существенным признаком ее является независимость существования от сознания.

Понятия — итог суждений и условие их возник-

новения. Без понятий нет осмысленных высказываний. Особенность понятий состоит в том, что они как знание существуют в виде определений. Попробуйте сообщить кому-нибудь понятие об амперметре, не высказав предложения: «Амперметр — это прибор для измерения силы электрического тока».

Таким образом, понятие как знание может быть истинным или ложным. Понятия объединяются в суждениях и являются средствами формирования знаний. Простейшее знание существует как суждение, а не как элемент суждения.

Суждение — это мысль о принадлежности или отсутствии того или иного признака (признаков) у предмета (предметов). Суждением является также мысль о том, относится или нет предмет к какому-то классу. Суждение, в отличие от вопросов, побуждений, является утверждением или отрицанием. Умозаклучения и теории непосредственно образуются из суждений.

В умозаклучении на основе посылок получается новая мысль (вывод).

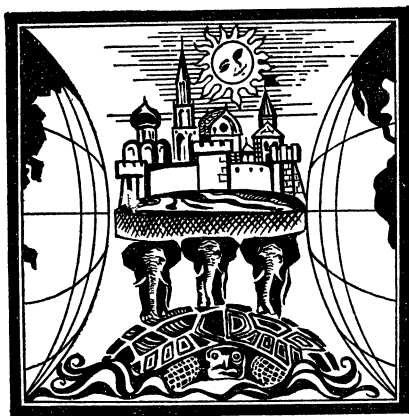
Более сложным, чем умозаклучение, видом знания является теория. В ней находятся в единстве понятия, суждения и умозаклучения. В теории знания приведены в систему, упорядочены, являются объясняющими, содержат исходный принцип, который отражает всеобщее отношение (закон) в какой-либо предметной области. Совокупность теорий образует ту или иную науку, отражающую систему объективных законов.

Итак, истина существует в формах знания — в понятиях, суждениях, умозаклучениях, теориях, науках.

Психика человека не исчерпывается, однако, познанием. Психика — это познавательные, эмоциональ-

ные и волевые процессы. Но эмоции, волевые состояния и т. п., являясь отражениями вещей, не являются образами их. В эмоциях отражается значимость данных событий для человека. Эмоции не есть знания, и не бывает эмоционального познания, хотя и существует эмоциональное отражение. Эмоции и воля, сами не являясь познанием, могут, однако, влиять на познание. В. И. Ленин писал в «Философских тетрадах», что без человеческих эмоций не было и нет отыскания истины. Действительно, трудно представить себе такую деятельность, которая требовала бы только эмоций, «сердца» или только мышления, «разума».

2. Объективность и субъективность истины

Угол падения равен углу отражения. Самый короткий путь между двумя точками — прямая линия. Кто не знает массы таких истин? Но как мы узнаем эти истины? К ним ведут два пути. Первый — узнать от другого человека (прочитать его книгу, прослушать лекцию и т. д.). Второй — обнаружить их самому.

Но откуда «извлекается» истина и в первом и во втором случаях?

Когда мы читаем книгу или слушаем лектора, мы понимаем содержание, если владеем языком, на котором написана книга или говорит лектор. Слова, связи слов являются обозначением предметов и отношений между ними. Знаки письменной и устной речи (слова, знаки формул и т. д.) существуют как нечто написанное или как звуковые колебания. Они «живут» потому, что созданы человеком для обозначения предметов. А где «живет» истина? Мы говорим, что изучение предметов приводит к открытию новых вещей, свойств и отношений, к открытию новых истин. Откуда же в таком случае истина «извлекается», когда человек изучает какую-то вещь, познает ее свойства и связи с другими вещами? Ведь предметы исследования не истинны и не ложны. Следует ли понимать выражения «открыть истину», «найти истину» буквально, так, будто истина до поры до времени скрывалась в предметах, а затем ее нашли, обнаружили там? История философии свидетельствует о том, что в эти выражения вкладывался и буквальный смысл, например в некоторых идеалистических учениях.

Так, древнегреческий философ Платон, представитель объективного идеализма, пытался доказать, что миру вещей противостоит мир родовых, общих понятий, или идей. Познание он рассматривал как постижение этих идей путем размышления. Идеи, по Платону, существуют реально, предшествуют вещам и являются законами для всего единичного. Мир идей вечен, совершенен, истинен. Кто стремится к мудрости, знанию, может «разглядеть истину», «познать истину» (выражения Платона в диалоге «Федон»), лишь освобождая душу от влечений тела, страстей. Приближение к истине, по Платону, означает приближение к чистому и прекрасному.

В объективно-идеалистической системе немецкого философа Гегеля приближение к истине — это возвращение абсолютной идеи к самой себе через различные виды человеческого сознания и деятельности. Абсолютная идея («мировой разум», «мировой дух») — начало всего существующего, ее развитие — источник развития познания.

Объективные идеалисты превращают идеи — результаты мыслительной деятельности — в самостоятельные сущности, отрывают их от вещей и сознания. В. И. Ленин писал об этом так: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (совершенно в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога?»¹

В современной философской литературе, в том числе и в марксистской, также встречаются выражения «познаем истину», «приближаемся к истине». Но в марксистской гносеологии буквальное понимание этих выражений невозможно: она исходит из положения, что вещи не порождены идеями и не являются ни истинными, ни ложными, так как они существуют вне и независимо от сознания.

Истина не маячит где-то впереди, и к ней в буквальном смысле невозможно приблизиться. Такие выражения являются метафорическими, они использовались классиками марксизма для характеристики процесса развития, углубления знаний, и только для этого. Буквальное же, неметафорическое понимание таких выражений может создать впечатление, будто истина существует где-то до процесса познания, будто ее следует найти, как находят алмазы. Истины воз-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 329.

никают в процессе познания, и в этом смысле любая истина субъективна, то есть существует в сознании того, кто познает, и в своем существовании зависит от него, является человеческим способом освоения действительности. Это значит, что истина субъективна не вообще, а только в строго определенном отношении — по существованию. Если заметить только эту сторону истины и не учесть ее отношения к реальным предметам и явлениям, то можно прийти к выводу, что истин столько, сколько людей, что любое мнение личности, группы людей, класса и т. д. истинно, что верен принцип «как кому кажется, так оно и есть на самом деле».

Субъективной истины в том смысле, что «каждый прав», нет. Есть лишь субъективность истины по существованию. Заметим, что субъективизм и субъективность истины — разные вещи. Искажение действительности называется субъективизмом.

Абсолютизация субъективности истины ведет в конечном счете к отрыву ее от предмета, к сомнению в познаваемости внешнего мира. Такая абсолютизация характерна для субъективного идеализма. Субъективный идеализм рассматривает истину только как форму упорядочивания опыта, чувственных данных. В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» подверг резкой критике взгляды, согласно которым истину определяют только как идеологическую форму — организующую форму человеческого опыта¹.

Субъективный идеализм раздувает, абсолютизирует тот момент в познании, что способы представления и осмысления действительности субъективны, принадлежат человеку, а вещи находятся вне их и

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 124—125.

вещественно, телесно отличаются от чувственных образов и мыслей.

Упрощенное понимание познания было свойственно домарксовскому материализму. Так, древнегреческий философ Демокрит полагал, что от вещей истекают «идолы» («образы»): «Видим мы вследствие вхождения [в нас] идолов [образов]»; «...ощущение и мышление возникают вследствие того, что приходят извне образы», сходные по виду с вещами. Эта концепция переселяет вещи в мышление субъекта. Согласно же диалектическому материализму, вещи существуют в сознании не как «идолы» и не как отпечатки в мозгу человека, а идеально, как отражения, как образы.

Марксистско-ленинская гносеология, рассматривая истину как человеческий способ освоения действительности, как субъективную по существованию, вскрывает вместе с тем объективность истины, то есть независимость ее от субъекта, его воли, мнений. В каком же отношении истина не зависит от субъекта?

Истинность знания определяется единственным обстоятельством — правильно или нет воспроизведен реальный предмет в сознании. Обратимся для примера к истории становления дарвиновского учения об изменчивости видов растений и животных.

Первоначальным толчком к идее об изменчивости видов послужили открытия, сделанные Ч. Дарвином во время его путешествия на корабле «Бигль» в 1831—1836 гг.

Будущий автор учения об эволюции животного мира, отправляясь в кругосветное путешествие, даже не сомневался в истинности церковной догмы о неизменности видов и сотворении их богом. Однако во время путешествия Дарвин нашел в Южной Америке

скелеты гигантских вымерших неполнозубых (величиной с носорога и слона), живших там в конце третичного — начале четвертичного периодов и поразительно сходных с современными мелкими неполнозубыми. Молодой натуралист открыл также верблюдообразное вымершее животное, родственное ламе и гуанако, и другие. Его порастил факт широкой изменчивости выюрков и других животных, обитающих на островах Галапагосского архипелага и сходных с близкими им родами, живущими на континенте Южной Америки. Под влиянием всех этих фактов у исследователя возникает мысль об изменчивости видов.

Истиной вывод Дарвина является потому, что он соответствует достоверным фактам, отражает то, что имеется в объективном мире. Этой истине присущ признак объективности. Выводы Ч. Дарвина не были сразу приняты всеми, тем не менее это не лишало их объективности. Окончательное подтверждение открытия Дарвина получили тогда, когда были найдены законы изменчивости видов.

В. И. Ленин, поставив вопрос «существует ли объективная истина?», писал в книге «Материализм и эмпириокритицизм», что этот вопрос предполагает другой: может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит от человека, от человечества?

Марксист отвечает на этот вопрос утвердительно. Как правильное отражение предмета, истина не зависит от субъекта, от того, как к ней относится та или иная личность, та или иная группа людей. Марксизм-ленинизм рассматривает любую истину как объективную.

«Считать наши ощущения образами внешнего мира — признавать объективную истину — стоять на

точке зрения материалистической теории познания,— это одно и то же»¹,— писал В. И. Ленин. «Утверждение естествознания, что земля существовала до человечества, есть объективная истина»²,— отмечал он. Заметим, что В. И. Ленин говорит об объективности утверждения, об объективности истины, а не просто об объективности существования Земли.

Объективность истины и объективность существования вещи — не одно и то же, ибо второе — основа первого. Второе обуславливает первое: истины лишь отражают мир вещей, существующих независимо от сознания. Вот поэтому если субъект сочтет мысль, которая на самом деле истинна, ложной, то она от этого не превратится в ложную.

Ни авторитет, ни положение, ни убежденность субъекта сами по себе не определяют истинности утверждаемого им тезиса. Справедливо говорят, что вопросы истинности не решаются большинством голосов. Из того, что «многие так думают», не следует, что мнение истинно. Было время, когда все думали, что утверждение Аристотеля «воздух не имеет веса» истинно. И лишь Галилей с помощью эксперимента опроверг это суждение. Он установил, что вес колбы уменьшается, если выпускать накаченный в нее воздух. Было время, когда решительно все думали, что атом является не только самой элементарной частицей химического элемента, но и вообще элементарной, не имеющей строения. И лишь открытие электрона показало сложное строение атома. Суждения «воздух не имеет веса» и «атом неделим» не были истинными и тогда, когда их считали истинными. Не было истинным и воззрение Птолемея, согласно которому Земля — центр мира. И хотя до Коперника в

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 132.

² Там же, стр. 124.

представлениях о строении Вселенной господствовала Птолемея система, тем не менее объективно она была ложной.

То или иное положение является истинным не потому, что его объявили истинным, и не потому, что его многократно повторяют. К. Маркс писал в связи с этим: «Философия спрашивает: что есть истина? — а не: что считается истиной?»¹ Совпадение объективной истины и того, что считается истиной, имеется не всегда. Об этом свидетельствует, например, история, рассказанная в сказке Г. Х. Андерсена «Новый наряд короля». Один король очень любил наряжаться. Однажды в столицу приехали два обманщика. Они говорили, что умеют изготавливать чудесную ткань, отливающую яркими красками. Но эту ткань могут видеть только умные люди: ни глупец, ни человек, который не годится для своей должности, ее не увидят. Король пожелал иметь такую ткань. Обманщики стали «трудиться», «сшивая» несуществующую ткань, а король и придворные, боясь прослыть глупцами, не соответствующими занимаемой должности, не жалея слов, расхваливали ее. Когда король «облачился» наконец в новый «наряд», придворные восклицали: «Ах, как идет это платье королю! Как чудесно оно сидит на нем! Какие краски, какой рисунок! Роскошный наряд!»

И даже когда король шел по улицам столицы, то ни один человек не сознался в том, что не видит наряда короля. И вдруг какой-то маленький мальчик крикнул: «А король-то голый!»

Тогда все зашептались, потом громко закричали: «Голый король! Голый!»

Как видим, нельзя принять в качестве истинно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 101.

го какое-либо утверждение, если не учтено его отношение к действительности. Даже если бы все договорились считать, что король одет в новый наряд, и все были бы убеждены в этом, если бы даже у всех возникла иллюзия нового наряда, то и в этом случае утверждалось бы то, чего нет в самой действительности.

Однако философы-идеалисты как раз и рассматривают истину вне ее отношения к реальной действительности. Это характерно для всех идеалистических концепций истины, независимо от того, определяется ли в них истина как результат соглашения или как соответствие чувственным впечатлениям, как согласие с формально-логической правильностью, или как соответствие вере, убежденности и т. д.

Объективными истинами являются и знания о том, каковы вещи в отношении друг к другу, и знания о качествах, которые существуют у вещей лишь в отношении к людям, и знания о психических процессах: эмоциях, размышлениях, интересах. Тяжесть, электропроводность, растворимость, например, существуют в отношении вещей друг к другу. Сравните с ними качество «благо». Вещь является благом не сама по себе, а потому, что удовлетворяет и развивает ту или иную потребность человека. Значит, вещь обладает качеством полезности, является благом только в отношении к людям, а не сама по себе. Такие качества, как прекрасное, сладкое, цвет, добро, существуют в отношении к человеку, к его особенностям. Познание вещей в их взаимодействии, в их отношении друг к другу и к человеку является истинным, если правильно отражает эти отношения. Утверждение «кедр — хвойное дерево» истинно, поскольку правильно отражает наличие у кедра признаков, общих для кедра, сосны, ели и т. д., и в соот-

ветствии с объективной действительностью относит кедр к классу хвойных деревьев. Но и такие утверждения, как «море прекрасно», «я восхищаюсь», могут быть не менее истинными, чем положения типа «кедр — хвойное дерево», или «селитры хорошо растут в воде».

Одним словом, суждения, относящиеся к области этики и эстетики, также бывают истинными или ложными. Если точно указаны обстоятельства, при которых ложь безнравственна, честность — добро, а явление природы — прекрасно, то высказывания об этом — объективные истины.

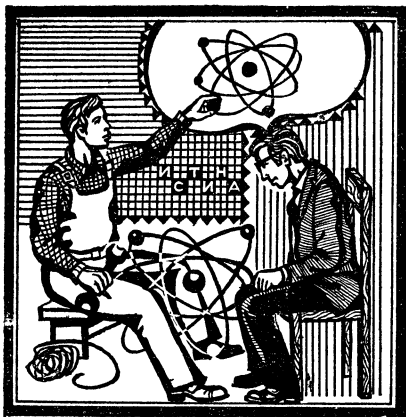
Во взаимодействии с вещами, в процессе преобразования их складывались и развивались формы, в которых закреплялось знание. Эти формы и законы мышления не созданы по произволу и не могут быть отменены по прихоти, по чьей-либо воле, то есть они объективны, хотя и существуют в сознании. Истина объективна как по содержанию, так и по форме.

В практику уходят корни знаний. В ней рождались первые обобщения, ставшие затем аксиоматическими, в ней сложились формы мышления, в ней в конечном счете происходит отделение истины от заблуждения. Именно поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс «вводят критерий практики в основу теории познания материализма»¹.

К рассмотрению практики как основы познания и критерия истины мы и приступим.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 140.

3. Практика и познание

Ни о каком способе познания нельзя сказать, истинный он или ложный, учил древнегреческий философ Пиррон, основатель скептицизма, который подверг сомнению познаваемость вещей и пришел к выводу, что ни о чем нельзя утверждать определенно, ибо о большом можно сказать, что оно ма-

ленькое, о полезном, что оно вредно, и т. п. Скептики пришли к заключению, что воздержание от суждений дает мудрецу покой, безмятежность. Это состояние мудреца (атараксия) достигается путем отказа от постижения вещей. Доводы («тропы») скептиков сводились к одному: каждому тезису можно противопоставить антитезис.

Отрицание существования критерия истины характерно для системы взглядов скептицизма, считающего, что если имеются два исключających друг друга суждения, то невозможно одно предпочесть другому.

Мы не можем утверждать, что обладаем истиной, что имеем критерий истинного, говорят вместе со скептиками агностики. Термин «агностицизм» был введен в XIX в. английским ученым Гексли, но как течение в философии агностицизм возник раньше и

связан прежде всего с именами философов XVIII в. Д. Юма и И. Канта. Юм полагал, что нам даны непосредственно лишь ощущения, которые проверяются ощущениями же, поэтому мы не можем якобы выйти за пределы своих впечатлений, сравнить их с вещами и установить истинность или ложность наших представлений. «Каковы вещи — не знаю, может быть, вещи таковы, как они даны в сознании, а может, их и нет совсем», — к такому выводу приходит последовательный агностик, для которого, в конце концов, как и для субъективного идеалиста, остается только один выход: утверждать, что субъекту «непосредственно дано» только ощущение, что нет ничего, кроме ощущений субъекта, и скатиться тем самым в конечном счете к нелепостям солипсизма¹.

И. Кант был агностиком, но, пытаясь избежать абсурдов солипсизма, утверждал, что совершенно невозможно спрашивать о признаке истинности содержания знаний, что требовать такого признака истинности знания нельзя, ибо вещи являются «вещами в себе» и не доступны познанию. «Что же касается познания в отношении одной лишь формы (оставляя в стороне всякое содержание), то в такой же мере ясно, что логика, поскольку она излагает всеобщие и необходимые правила рассудка, должна дать критерий истины именно в этих правилах». В «Критике чистого разума» И. Кант писал, что знание, вполне сообразное с логической формой, может противоречить предмету, но логика никакими критериями «не в состоянии обнаружить заблуждение, касающееся не формы, а содержания». А другого, по Канту, крите-

¹ Солипсизм — субъективно-идеалистическое воззрение, согласно которому существует только отдельный человек и его сознание, а объективный мир, в том числе и другие люди, существуют лишь в сознании индивида.

рия нет. Необходимые принципы должны, таким образом, выводиться, по мнению Канта, из чистой мысли и зависеть только от ее собственных законов. Нужно найти единственно надежную опору в чистых, автономных идеях разума, свободного от каких бы то ни было внешних опор и авторитетов как на небе, так и на земле, и только в самом себе, в своих собственных логических требованиях находящего ручательство своей истины и достоверности.

Сложность и противоречивость процесса познания «приобретает в агностицизме извращенный характер, поскольку рассматривается не как отражение сложности самого объекта и пути познания его, а как свидетельство слабости и неспособности познания постичь объект таким, каким он является в действительности. Имея перед собой богатство познания, «утопая в нем», агностицизм упрекает его в бессилии», — писал советский философ П. В. Копнин.

Теоретические аргументы против скептицизма и агностицизма дает марксистско-ленинская теория отражения. Она показывает, что доводы скептиков и агностиков окончательно опровергаются лишь в процессе деятельного преобразования людьми действительности, то есть практикой. Критикуя агностицизм, Ф. Энгельс писал: «Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 284.

Игнорирование практики как критерия истины характерно для идеализма и метафизического материализма. Правда, Гегель обнаружил, что посредствующим звеном в отношении субъекта к объекту является практика, но практику он рассматривал как активность мирового духа, абсолютной идеи.

Характеризуя прежний материализм, К. Маркс писал: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно»¹. Он отмечал также, что деятельная сторона познания развивалась идеализмом, «но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»².

Вот почему философы-идеалисты и искали критерий истины в самом познании. Французский философ XVII в. Р. Декарт говорил, например, что вряд ли в науках найдется какой-либо вопрос, по которому ученые не расходились бы в своих мнениях. Как определить, кто прав? Полагаться на опыт мы не можем, ибо «опыт часто вводит нас в заблуждение». Чтобы не ошибиться, надо выводить суждения из очевидных и ясных посылок. Но этот критерий обманчив. Уже современники возражали Декарту, что одинаково ясно и отчетливо можно мыслить взаимоисключающие идеи.

В начале XX в. возникло направление, которое было названо конвенционализмом (от лат. *conventio* — соглашение). Основателем его был Анри Пуанкаре, французский математик, физик и философ.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 1.

² Там же.

Конвенционализм рассматривает научные построения как чистые конструкции ума, не имеющие отношения к вещам. Лишь соглашение, зависящее единственно от соображений удобства и простоты, якобы определяет выбор учеными того или иного построения. Развитие неевклидовых геометрий, распространение аксиоматического метода истолковывались конвенционализмом как основание для утверждения, что лежащие в основе математических теорий системы аксиом — это результат соглашения. Истина объявлялась функцией конвенции. Надо сказать, что никому из представителей конвенционализма не удавалось проводить этот принцип последовательно. В работах «Наука и метод» и «Наука и гипотеза» Анри Пуанкаре эклектически соединяет конвенционализм с материалистическими положениями. Одним из лидеров современного позитивизма, Рудольфом Карнапом, был сформулирован «принцип терпимости», по которому в основу естественнонаучной теории можно положить любую систему аксиом и каждый может построить свою логику.

Конвенционализм односторонне раздувает самостоятельность знаков по отношению к обозначаемому объекту и переносит этот признак на знания, потому что исходит из неверного положения, будто истина есть только обозначение предмета, а не его отражение.

В современной буржуазной философии получила распространение концепция, преувеличивающая роль связности элементов системы значий настолько, что рассматривает логическую непротиворечивость как достаточный показатель истинности. Разумеется, всякое рассуждение обязательно должно быть непротиворечивым и связным. Теория не может содержать таких положений, которые не согла-

суются с ее исходным принципом или с остальными положениями этой теории. Датский физик, один из творцов квантовой теории, Нильс Бор подчеркивал, что нормой научного мышления является требование «выражать свои мысли логически связным образом».

Когда человек придерживается взгляда, что противоположности не существуют друг без друга, а сам допускает существование абсолютного, безотносительного покоя, или считает, что бывают чистые количественные изменения, не связанные в то же время с качественными изменениями, то он противоречит сам себе. Логическое противоречие имеет место, когда в одном и том же отношении делаются несовместимые, исключаящие друг друга высказывания.

В конце прошлого века возникла идеалистическая теория когеренции (сцепления, связи), сторонники которой, раздувая отмеченную сторону познания, доказывали, что истинными являются положения, входящие в систему, элементы которой находятся во взаимной связи (английский философ Ф. Бредли, американский философ Б. Бланшард). Никакого другого критерия истинности, кроме критерия внутренней связности, быть не может, писал Б. Бланшард.

Конечно, внутренняя связность и полнота необходимы для системы знания, разумеется также, что истинность знания не может быть достигнута без логической непротиворечивости, но ни внутренняя связность, ни непротиворечивость сами по себе не являются достаточным основанием для оценки системы как истинной. Логический критерий непротиворечивости не может быть отброшен, так как он есть мерило истинности тех положений, которые выведены из других истинных положений.

Игнорирование практики или упрощенное ее по-

нимание как чувственного опыта единичного субъекта характерно для гносеологических концепций современной буржуазной философии. Поэтому сторонники современных форм позитивизма и вынуждены рассматривать истину как построение, согласующееся с чувственными данными познающего индивида. О практике у них нет и речи. Они не принимают также во внимание и того, что сам опыт индивида нуждается в критерии истинности. Приведем в качестве типичного диалога между противниками и сторонниками позитивизма уже упоминавшийся спор между Рудиным и Пигасовым из романа И. С. Тургенева «Рудин».

Рудин спрашивает Пигасова, который отстаивает позитивистские взгляды:

— Почему же верите вы в факты?

— Как почему? вот прекрасно! Факты дело известное, всякий знает, что такое факты... Я сужу о них по опыту, по собственному чувству.

Рудин резонно возражает:

— Да разве чувство не может обмануть вас! Чувство вам говорит, что солнце вокруг земли ходит... или, может быть, вы не согласны с Коперником?

Аргументы Рудина заставили замолчать Пигасова. И дело здесь не в качествах личности последнего, а в самой системе воззрений, ведущей фактически к отрицанию критерия истины.

В современной буржуазной философии есть направление — правда, утратившее в последние двадцать лет былое влияние, — сделавшее своим центральным понятием «практическую полезность» — прагматизм (от греч. *pragma* — дело, действие). Прагматизм определяет истину как то, что полезно, что лучше всего «работает» на нас, что соединимо со

всей совокупностью нашего опыта, что является «инструментом» действия и т. д. Прагматизм вводит в гносеологию понятие пользы и определяет через нее истину. Но ведь есть ситуации, когда полезна ложь. Делает ли польза ложное истинным? Нет! Прагматизм снимает вопрос о соответствии истин объективным предметам, не рассматривает их как отражения предметов, сводит пользу к удовлетворению субъективных интересов индивида, а критерий истины — к согласию знания с «опытом» личности. Таким образом, пороки субъективно-идеалистических концепций истины прагматизм не преодолел.

Узкое понимание практики было свойственно старому, домарксовскому материализму. Практика сводилась им зачастую к эксперименту и наблюдению. Марксистско-ленинская гносеология включает эксперимент в практику, однако не сводит ее к эксперименту.

Основой и ядром практики является производственная деятельность людей, прежде всего труд по созданию материальных благ. Но практика включает в себя не только производство материальных ценностей, в нее входят и другие виды деятельности: сфера обслуживания, управление производством, классовая борьба, создание эстетических ценностей, научная деятельность и т. п. В. И. Ленин писал: «...в практику, служащую нам критерием в теории познания, надо включить также практику астрономических наблюдений, открытий и т. д.»¹.

Практика — это не особая область общественной жизни, в которую приходят, чтобы узнать, истинны или ложны наши мысли. Практика не есть признак только некоторых определенных видов деятельности.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 143.

Ничто не существует как абсолют, само по себе, вне связи с другим, практика — тоже. Нет такой деятельности, которая не была бы одновременно и познанием, и практикой. Познают свои объекты и врач, и учитель, и следователь и т. д. Лишь изучая больного, можно вылечить его. Лишь изучая детей, можно воспитывать и обучать их.

В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс писал, что «вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления»¹.

Практика — основа и критерий как эмпирических, так и теоретических знаний. Она является всеобщим критерием для познания. Опытные, эмпирические знания субъекта могут быть ошибочными, ибо опыт любого субъекта ограничен, узок. Эмпирические знания регистрируют то, с чем встречался субъект, и не схватывают связей, которые кроются за тем, что зафиксировано в его опыте. Теоретические научные построения могут расходиться с эмпирическими знаниями, что отнюдь не означает, будто теория неверна.

Новые положения часто кажутся парадоксальными и противоречащими повседневному опыту. «Но парадоксально и то, что земля движется вокруг солнца и что вода состоит из двух легко воспламеняющихся газов. Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей»², — писал К. Маркс.

С точки зрения диалектической логики «вся чело-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 1.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 131.

веческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как... определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»¹.

Но возникает вопрос: не является ли практика в таком случае слишком неопределенным критерием истины? В. И. Ленин писал, что критерий практики никогда не может «по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления», что этот критерий «неопределенен» лишь настолько, чтобы «не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма»².

Практика и познание развиваются, совершенствуются, взаимно влияют друг на друга. В практике человек использует различные средства труда, которые одновременно могут выступать как средства познания. Микроскоп, радиолокатор, электронно-вычислительная машина и т. д. одновременно являются и средствами труда, и средствами познания.

Непосредственная практическая проверка истинности той или иной идеи возможна не всегда. Однако это не значит, что есть знания, которые не имеют никакого отношения к практике. Такие идеи могут быть проверены практикой опосредствованно. Что это значит?

Выводя теорему из аксиом, проверенных и закрепленных практикой, мы можем быть уверены в ее истинности, если действовали в соответствии с логическими нормами. Логические нормы, как было показано выше, выработаны практикой. Доказательст-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 146.

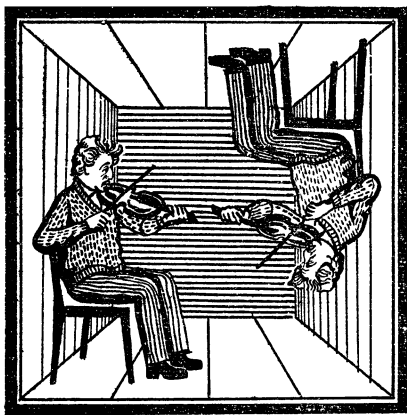
во истин является в этом смысле указанием на те положения, которые проверены практикой.

Следует отметить, что практика различных классов и социальных слоев не одинакова. Поскольку практика в условиях антагонистического классового общества неизбежно бывает узкой и односторонней, постольку в этом обществе существуют специфические для тех или иных классов заблуждения. Условия конкретно-исторического бытия определяют интересы, стиль мышления человека, даже то, что преимущественно запоминает человек, на что в первую очередь обращает внимание. Показательны в этом отношении наблюдения русского судебного деятеля А. Ф. Кони, сделанные им на судебных процессах в дореволюционной России. Он отмечал, что «городской и сельский жители, фабричный рабочий и кустарь, чиновник и матрос, повар и пастух при рассказе об одном и том же событии подчеркнут непременно в своих воспоминаниях те особенности, которые находились в каком-либо отношении с их обычными занятиями и родом жизни и прошли для других незамеченными, не привлекая особенного внимания...»

Строительство коммунизма обуславливает универсальность практики всех членов общества. К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечая, что задача всякого человека — всесторонне развивать все свои способности, в том числе и способность мышления, писали: «Всестороннее проявление индивида лишь тогда перестанет представляться как идеал, как призвание и т. д., когда воздействие внешнего мира, вызывающее у индивида действительное развитие его задатков, будет взято под контроль самих индивидов, как этого хотят коммунисты»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 282.

1. Безусловны ли истины?

Истинно ли суждение « $1+1=2$ »? Да, истинно. Но безусловно для всех случаев? Вот в этом-то и надо разобраться. Если к 1 яблоку прибавить еще 1, то получится 2 яблока. Но при условии диффузии отношения иные. Не получишь двух литров жидкости, соединив, например, 1 литр спирта с 1 литром воды.

Положение «вода закипает при 100° по Цельсию» верно не для всех условий: известна зависимость точки кипения воды от атмосферного давления.

В теории относительности длина, длительность и т. д. рассматриваются как разные в различных системах отсчета. Одновременные события в одной системе отсчета не являются таковыми в другой. Любая вещь выступает как иная в другой системе отсчета, в отношении к условиям, отличным от пер-

вых. Нет также и таких истин, которые были бы применимы к вещам безусловно.

«Позаботься о себе — и ты позаботишься о других», — говорят иногда. На это возражают, что таким принципом оправдывается эгоизм. Кто прав?

Известный советский педагог А. С. Макаренко рассказал такой случай. «В позапрошлом году я проехал с товарищем по Волге. Хороший друг. Но он меня всю дорогу, 20 дней, «эксплуатировал».

Заказать постель — он не мог, пойти на пристань что-нибудь купить — не мог. Пошел купить раз огурцов — купил гнилых. Кипятку достать, билеты купить, машину найти — ничего не мог. И я на него, как раб, отработал все это время. Он «эксплуатировал» меня и спокойно жил, пользуясь моим трудом...»

Если бы друг А. С. Макаренко позаботился о себе, он тем самым способствовал бы отдыху другого. Когда дети умеют обслуживать самих себя, они тем самым облегчают домашний труд родителей. Обобщая подобные факты, А. С. Макаренко писал: «Мы хорошо знаем, насколько веселее и счастливее живут люди, которые многое умеют делать, у которых все удается и спорится, которые не потеряются ни при каких обстоятельствах, которые умеют владеть вещами и командовать ими. И наоборот, всегда вызывают нашу жалость те люди, которые перед каждым пустяком становятся в тупик, которые не умеют обслуживать сами себя, а всегда нуждаются то в няньках, то в дружеской услуге, то в помощи, а если им никто не поможет, живут в неудобной обстановке, неряшливо, грязно, растерянно».

Так что же, правы те, кто придерживается этого принципа? Да, правы. Но верен ли он безусловно? А что, если только этим принципом будет руковод-

ствоваться человек? Не предстанет ли перед нами, как иногда выражаются, «законченный эгоист»? Не является ли более истинным противоположный принцип: «позаботься о других — и ты позаботишься о себе»? К. Маркс, например, писал: «История признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей...»¹ Истинность этого принципа для нас очевидна. Но он ведь как будто прямо противоположен первому? Очевидно, верны оба, если учитывать условия, в которых они реализуются, а также смысл, который в них вкладывается.

Когда начинают применять верное положение не в том отношении, в котором оно истинно, то односторонне мыслящие люди решают, что оно ложно вообще, и отбрасывают его. Это вредно не только в науке, но и в любых областях жизни. В науке это порождает в иных случаях ненужные и бесплодные споры, бесполезную борьбу групп, в то время как задача заключается в том, чтобы определить те отношения, в которых права каждая из сторон.

В. И. Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» писал, что «всякую истину, если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец²), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указан-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 5.

² Иосиф Дицген (1828—1888) — рабочий, философ, самостоятельно сделавший некоторые диалектико-материалистические обобщения;

ных условиях, превращается в абсурд»¹. Применение истины вне пределов ее применимости, то есть перенос на другое отношение, является ошибкой субъекта, если это делается непреднамеренно. Люди, совершающие такую ошибку, остроумно высмеяны в русской народной сказке, герой которой и тем, кто носил мешки с зерном в амбар, и тем, кто нес хоронить покойника, советовал одно и то же: «Таскать вам, не перетаскать!»

Но чем объяснить, что, казалось бы, одинаковые поступки в одних случаях рассматриваются как зло, в других как добро? Это зависит от того, что побудило человека совершить данный поступок и каков результат этого поступка, говорят обычно. И это в какой-то мере верно. Но ведь и при оценке мотивов и результатов поступка мы тоже исходим из каких-то принципов? Возможно, сначала следует найти абсолютное, для всех времен и условий истинное определение добра и зла, а потом уже и прикладывать его к любым поступкам? История знает немало попыток создать такие системы морали, которые были бы окончательными и не содержали бы противоречащих друг другу принципов, оценок, норм (И. Кант, Л. Фейербах и другие). Но всякий раз обнаруживалась их неокончателность и противоречивость.

Одна из подобных попыток высмеяна Леонидом Андреевым в сказке «Кто не любит добра?».

Случилось так, что некий здоровенный пожилой черт — по тамошнему прозвищу Носач — вдруг «возлюбил добро». Черт обратился к попу с просьбой научить творить добрые дела. По совету попа он два года читал богословские книги, да так и не уз-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 46.

нал, что есть добро, ибо одни противоречия обнаружил.

«А мне такого ответа надо,— говорил черт попу,— чтобы годился на все времена и для всех случаев жизни, и чтобы не было никаких противоречий, и чтобы всегда я знал, как поступить, и чтобы не было никаких ошибок,— вот чего мне надо».

Поп рекомендовал следовать правилам: «возлюбь ближнего, как самого себя», «если кто попросит у тебя рубашку, то ты и последнюю отдай», «если кто тебя по одной щеке ударит, то ты и другую подставь», «не противься злу».

Стал следовать черт этим правилам. Но случилось с ним однажды следующее. Увидел он: идут с одной стороны два грабителя, злых человека, а с другой стороны идет женщина и что-то несет. Говорят ей грабители: «Отдай!» — а она не отдает. И тогда ударил грабитель ее мечом, рассек ей голову. Подняли злые люди ношу, оказалось, что в ней младенец. Один из грабителей взял младенца за ножку и разбил его о камни. Поп, слушавший рассказ черта, закричал:

— Так что же ты! Так как же ты! Несчастный! Ты бы его палкой! Ты бы его рогами, рогами! Ты бы его огнем серным!

— Не противься злу,— тихо сказал черт.

Попик побледнел: не сделал черт добра. А ведь следовал правилу. Измучился черт, и ни облика, ни имени добра не узнал. Тогда поп сказал черту:

— Не для нас с тобой эти слова. И вообще не нужно ни слов, ни толкований, ни даже правил.

Вот так: от неукоснительного следования правилам — к полному отказу от них, из крайности — в крайность. Таковы обычные промахи незрелой мысли.

Ограниченность обыденного понимания ложного и истинного, когда «истины» здравого смысла принимаются за вечные, абсолютные, своеобразно разоблачается в «Балладе истин наизнанку» французского поэта XV в. Франсуа Вийона:

Мы вкус находим только в сене
И отдыхаем средь забот,
Смеемся мы лишь от мучений,
И цену деньгам знает мот.
Кто любит солнце? Только крот.
Лишь праведник глядит лукаво,
Красоткам нравится урод,
И лишь влюбленный мыслит здраво.
Лентяй один не знает лени,
На помощь только враг придет,
И постоянство лишь в измене.
Кто крепко спит, тот стережет,
Дурак нам истину несет,
Труды для нас — одна забава,
Всего на свете горше мед,
И лишь влюбленный мыслит здраво.

.
...Вот истины наоборот:
Лишь подлый душу бережет,
Глупец один рассудит право,
Осел достойней всех поет,
И лишь влюбленный мыслит здраво.

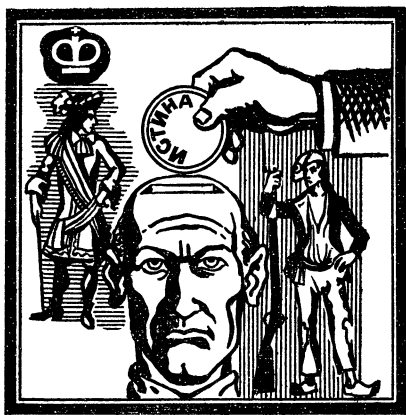
Поэт насмехается над непоколебимым здравомыслием, выворачивая наизнанку его житейскую мудрость. И в самом деле, разве не лучше способен оценить деньги тот, кто их тратит, чем тот, кто их копит? Разве не тот, кто лишен солнца, сполна способен оценивать то, что оно дает. И разве не влюбленный, забывая под влиянием своего чувства мелочную суету, оказывается как раз самым здравым?

Но, возразит кто-нибудь, добро все-таки не зло и и зло не добро. И если добро и зло оценивать только в зависимости от условий, то они окажутся свален-

ными в одну кучу, тогда исчезнет всякая нравственность и каждый может делать и поступать как ему угодно. Тогда окажется, что «все позволено»!

Вопрос этот решается не просто. Чтобы найти на него верный ответ, необходимо прежде выяснить, способно ли человеческое познание вообще достигать абсолютной истины, если да, то каким образом этот процесс осуществляется и каково при этом отношение абсолютных и относительных сторон истины. О том, как решаются эти вопросы в диалектическом материализме, и пойдет разговор на следующих страницах.

2. Абсолютность и относительность истины

Высмеивая претензию мелкобуржуазного философа Дюринга на открытие «вечных» и «абсолютных» истин, Ф. Энгельс в книге «Анти-Дюринг» дает изложение диалектико-материалистического понимания абсолютного и относительного в познании.

Касаясь абсолютности и относительности

критерия в области морали, Энгельс пишет, что в одних только передовых странах Европы того времени прошедшее (феодализм), настоящее (капита-

лизм) и будущее (социализм) выдвинули три большие группы одновременно и параллельно действующих теорий морали. «Какая же из них является истинной?» — спрашивает он. И отвечает: «Ни одна, если прилагать мерку абсолютной окончательности; но, конечно, наибольшим количеством элементов, обещающих ей долговечное существование, обладает та мораль, которая в настоящем выступает за его ниспровержение, которая в настоящем представляет интересы будущего, следовательно — мораль пролетарская»¹.

Однако и пролетарская мораль, разъясняет далее Энгельс, это тоже пока еще классовая мораль, и, следовательно, она тоже не является окончательной, завершенной. Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно всеобщая человеческая мораль, станет возможной лишь тогда, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике людей. Это мораль закономерно вырастает, развивается из морали рабочего класса, историческая задача которого и заключается в том, чтобы объединить людей на основе коммунистического идеала, построить бесклассовое общество.

Конечно, вопрос об окончательности, вечности, абсолютности суждений о добре и зле особенно сложен как раз в силу того, что здесь приходится иметь дело с самыми сложными явлениями — с явлениями общественной жизни. Но посмотрим, как обстоит дело с абсолютными, вечными истинами в других областях знаний, в частности в естествознании.

В конце XIX — начале XX в. были открыты радиоактивность, превращение одного химического эле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 94—95.

мента в другой, сложность строения атома, изменение массы в процессе движения и другие. Физики получили новые результаты, которые, казалось, уничтожали прежние достижения науки. Однако в 1913 г. Н. Бором был сформулирован принцип соответствия, по которому теория, объясняющая ту или иную область явлений с возникновением новой, более общей теории, не устраняется как ложная, а включается в новую теорию как ее предельный или частный случай и сохраняет значение для своей области.

Квантовая механика не показала и не могла показать ложность принципов классической механики, так же как геометрия Лобачевского и геометрия Римана не опровергли и не могли опровергнуть геометрию Эвклида. Точно так же будущая наука не отбросит истины, добытые современной наукой.

В истории научных исканий было немало случаев, когда то, что считалось абсолютным, оказывалось относительным (температура плавления, траектория, протяженность, длительность и т. д.), и наоборот.

Это приводило некоторых ученых к выводу о том, что в науке и вообще в человеческом знании нет ничего абсолютного, окончательного, что все истины рано или поздно обнаруживают свою ошибочность. Но такой подход к познанию обусловлен недialeктическим, то есть метафизическим пониманием самой проблемы отношения абсолютности и относительности в познании.

Диалектический подход к этой проблеме состоит в том, что, во-первых, в человеческих знаниях признается такое содержание, «которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества», то есть признается существование объективной истины.

Это означает, что диалектический материализм признает за человеческим познанием способность обладать абсолютностью постольку, поскольку оно содержит объективную истину.

Вместе с тем в каждый данный момент наши знания относительны, неполны. Полное, завершенное, исчерпывающее знание о действительности — это цель бесконечного процесса познания. В этом смысле познание абсолютно и неограниченно лишь «по своей природе», по «призванию», «по возможности».

Метафизическое мышление отрывает абсолютное и относительное друг от друга и противопоставляет их как несовместимые, взаимоисключающие друг друга характеристики познания. «Все относительно и только относительно, нет ничего абсолютного» — таков принцип релятивизма. «Все абсолютно и только абсолютно, нет ничего относительного» — таков принцип догматизма. Однако любое научное положение, с одной стороны, абсолютно, поскольку оно является объективным отражением каких-то сторон действительности, а с другой стороны, относительно, поскольку и сам предмет, и познание развиваются, и поэтому всякое знание со временем приобретает либо «иное звучание», либо сужается или расширяется область его применения, либо вовсе отбрасывается как ложное. Абсолютизация первого момента есть догматизм, абсолютизация второго — релятивизм.

«Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса, — пишет В. И. Ленин, — безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 139.

Познание — сложный, противоречивый процесс. Поэтому «в теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»¹.

Усвоение отдельных научных положений — это еще не есть овладение истиной, ибо в этом случае истина как бы лишается контекста. Вне контекста возможно истолкование любого положения не в том смысле, который оно имеет.

Богатство истины определяется ее связями с другими истинами. В этих связях она приобретает полноту, конкретность. Два человека могут знать одно и то же (как результат), но глубина этих знаний будет различной. За одной и той же истиной, известной специалисту и дилетанту, «стоит» не одно и то же.

Изменение и устойчивость присущи любой истине. Вот поэтому нельзя браться за исследование объекта, не изучив то, что уже известно, то есть не изучив историю развития знаний о нем. Глубина истины постигается, когда она понята в становлении, когда прослежено, как шла дискуссия по проблеме. Каждая истина выстрадана познанием.

Здесь уместно привести слова Ф. Энгельса о том, что «знакомство с ходом исторического развития человеческого мышления, с выступавшими в различные времена воззрениями на всеобщие связи внешнего мира необходимо для теоретического естествознания и потому, что оно дает масштаб для оценки выдвигаемых им самим теорий. Но здесь недостаток знакомства с историей философии выступает доволь-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 102.

но-таки часто и резко. Положения, установленные в философии уже сотни лет тому назад, положения, с которыми в философии давно уже покончили, часто выступают у теоретизирующих естествоиспытателей в качестве самоновейших истин, становясь на время даже предметом моды»¹.

Чтобы избежать напрасной траты сил и времени, следует относиться к истинам одновременно как к результату и процессу. Отрыв этих особенностей истины друг от друга превращает ее или в абсолютизм, то есть в «истину в последней инстанции», или в нечто неопределенное, условное. Первое характерно для догматизма, второе — для релятивизма.

Новые вопросы возникают на основе некоторых знаний. В науке дело обстоит так, что «каждый решенный вопрос поднимает огромное множество новых вопросов»². Не все ответы на них являются достоверными. Важно уметь отличать вероятное и достоверное в познании. Вероятное — это предположительное знание, относительно которого субъекту не известно, истинно оно или нет, то есть когда нет достаточных оснований для принятия его как истинного или отрицания как ложного.

Вероятное знание нуждается в проверке. И не всякое предположение оказывается истинным. Здесь важно заметить, что вероятное не есть нечто среднее между истиной и заблуждением, ибо с самого момента возникновения оно либо истинно, либо ложно.

Например, имея ряд однородных фактов, можно распространить (экстраполировать) положения, известные относительно одной группы этого ряда, на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 367.

² Там же, стр. 89.

остальные. Вывод может оказаться как истинным, так и ложным.

Предположения возникают в различных видах деятельности. Предположения о характере заболевания — начало постановки диагноза врачом. Следовательно в процессе расследования преступления выдвигает версии и проверяет их и т. д.

Предположительное объяснение явлений называется гипотезой. В науке предположения и достоверные знания не разложены на две разные полки. Обычно студентов-первокурсников поражает обилие точек зрения и мнений во всех изучаемых ими науках. Но это естественное состояние науки. Споры, соперничество гипотез — путь к достоверному знанию. Ф. Энгельс называл гипотезу формой развития естествознания. Это относится и к общественным наукам.

Материалистическое понимание истории было сформулировано К. Марксом как гипотеза в 40-х годах прошлого века. Идея о том, что производственные отношения определяют все остальные отношения людей, была гипотезой, «которая впервые создавала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам»¹. Эта гипотеза была доказана К. Марксом в «Капитале». С момента появления «Капитала» материалистическое понимание истории, отмечал В. И. Ленин, «уже не гипотеза, а научно доказанное положение...»². Ф. Энгельс писал, что гипотезы выдвигаются и в математике, и в астрономии, и в механике, а в «физике и химии находишься среди гипотез, словно в центре пчелиного роя», и в науках о живых организмах окон-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 136.

² Там же, стр. 139—140.

чательные истины окружены «густым лесом гипотез»¹.

Нет ничего в мире такого, о чем субъект в принципе не мог бы иметь достоверного знания. Поэтому можно достоверно знать и возможность чего-то. Достоверное знание о возможности не следует отождествлять с вероятным знанием. А такое отождествление, к сожалению, встречается не только в повседневной жизни, но и в научной литературе. Это происходит от того, что еще недостаточно обособились, отдифференцировались термины «вероятность» и «возможность». Например, в теории вероятности возможность наступления какого-нибудь события именуют вероятностью появления события. Здесь речь идет не о вероятности знания, а о другом — о возможности события. Знание же того, что вероятность равна $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{6}$ и т. д., — это достоверные сведения.

Особенно опасно отождествление вероятного и достоверного в сфере отношений между людьми как результат поспешности выводов, когда выдвигаются неоправданные обвинения, необоснованные оценки и т. п. Критическое отношение к своим выводам убеждает от ошибок.

Споры нередко порождаются некомпетентностью по крайней мере одного из спорящих. Такие споры в лучшем случае могут просветить спорящих, но они не являются движением вперед в познании вещей.

История науки знает немало случаев, когда сторонники двух противоположных гипотез во что бы то ни стало стремились опровергнуть друг друга, не подозревая, что обнаруженные ими свойства присущи предметам в разных отношениях. Так было, например, когда защищались и оспаривались гипотезы о корпускулярной и волновой природе света. Оказа-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 89.

лось, что обе гипотезы подтверждаются, но в разных отношениях.

Развитие знаний об объекте идет по спирали: разные стороны объекта отражаются разными теориями; борьба этих теорий приводит к очищению их от заблуждений, преувеличений, искажений, односторонности, к синтезу этих теорий в более общей теории, в которой каждая из предыдущих сохраняется в снятом виде. Синтетическая теория, возникшая в результате отрицания односторонности предшествующих теорий и сохранения «зерен» истин, заключенных в каждой из них, становится, в свою очередь, основой для дальнейшего углубления в объект.

Что же является толчком к такому движению теорий?

Б. Понтекорво писал: «Как часто бывает в науке, новые идеи выдвигаются тогда, когда в рамках существующего знания возникает парадокс». Такие парадоксы ведут к возникновению проблемы. Важно в таких ситуациях не отбросить вообще существовавший ранее способ объяснения, а определить границы истинности и ложности его.

Противоречие в знаниях, парадокс, возникает потому, что при встрече с чем-то неизвестным ученый пытается применить к нему уже имеющиеся теоретические положения. Известный французский физик П. Ланжевен описывает, как физики приступили к объяснению явлений микромира: «В этом случае мы поступили так, как поступают физики во всех тех случаях, когда им приходится столкнуться с совершенно новым явлением: мы пытались объяснить неизвестное с помощью уже известного и использовать в данном случае представления, оказавшиеся пригодными для объяснения других явлений. Другого пути не существует, и лишь неудача такой попытки

заставляет пересмотреть проблему с самого начала и искать выхода на пути создания совершенно новых представлений».

Любая истина вечна в том смысле, что она не перестает быть объективным отражением своего предмета. Но любая истина и временна, поскольку вещи и знания о них развиваются. То, что было верно для определенного периода, в отношении к определенным условиям, в рамках определенного уровня развития науки, перестает быть истинным. Нужны новые выводы, новые истины. Значит, та или иная истина может устареть. В особенности это характерно для общественных наук, поскольку в обществе изменения происходят быстрее, чем в природе.

Познание не есть простое количественное накопление истин, присоединение новых истин к старым, ибо одной из сторон познания является заблуждение, которое не возникает где-то вне процесса познания, а появляется и преодолевается внутри него. Оно — неизменный спутник познания. Поэтому прав Рабиндранат Тагор, писавший: «Если ты закроешь свою дверь для всех заблуждений, то и правда останется снаружи».

Таким образом, если знание есть единство истинного, верного и ошибочного, неполного, приближительного, то, стало быть, познание является бесконечным процессом достижения не просто истинных результатов, а абсолютно-истинных результатов через ряд относительных.

«С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 138.

Итак, мы рассмотрели, как в диалектическом материализме решается вопрос об отношении абсолютности и относительности человеческого познания в общем теоретико-познавательном плане. Теперь перейдем к рассмотрению того, как марксизм решает эту же проблему в конкретных ситуациях, возникающих в процессе развития науки.

3. Истина всегда конкретна

В работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» мы находим прекрасный образец диалектического применения общепhilософского положения об отношении абсолютного и относительного в познании к конкретному факту из истории естествознания — к формулированию закона Бойля (объем газов при постоянной

температуре обратно пропорционален давлению). После того как был сформулирован этот закон Бойлем, другой ученый — Реньо нашел, что закон оказывается неверным для некоторых случаев. Но, обнаружив это, Реньо не заявил, что закон Бойля изменчив и не является, следовательно, подлинной истиной и что он поэтому вообще не истина, а заблуждение. Тем самым, говорит Энгельс, Реньо впал

бы в гораздо большую ошибку, чем та, которая содержится в законе Бойля, ибо в куче заблуждений затерялось бы найденное им зерно истины и он превратил бы, следовательно, свой первоначальный правильный результат в заблуждение, по сравнению с которым закон Бойля, вместе с присущей ему крупицей заблуждения, оказался бы истиной. Но Реньо, будучи истинным ученым, поступил иначе: он продолжал исследование и нашел, что закон Бойля вообще верен лишь приблизительно, что он неприменим к таким газам, которые посредством давления могут быть приведены в капельножидкое состояние, и что он также теряет свою силу с того момента, когда наступает переход газа в жидкое состояние. «Таким образом,— заключает Энгельс,— оказалось, что закон Бойля верен только в известных пределах». Но ни один физик, говорит он, не станет утверждать, что этот закон абсолютно, окончательно верен даже в этих пределах и что в результате дальнейших исследований не придется в рамках этих узких границ произвести еще новые ограничения или вообще изменить формулировку закона¹.

Как отнестись в свете сказанного к такому, например, высказыванию французского физика Л. Бриллюэна: «Наука не вероучение. Она не открыта человеку каким-то высшим божеством. Наука — это плод человеческого ума и как таковая всегда открыта для дискуссии и возможного пересмотра. В ней нет абсолютной истины: относительность — вот, пожалуй, правило в науке»? Это положение верно постольку, поскольку в науке, если брать любой исторически определенный уровень научного знания или отдельные ее положения, не заключена

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 92—93.

абсолютная, окончательная истина, так как познание не завершено и завершенным быть не может. Но это положение неверно, поскольку оно абсолютизирует, «делает чрезмерным» как раз момент относительности знания и полностью отказывает ему в абсолютности и тем самым в объективности и поскольку оно игнорирует то обстоятельство, что любое конкретное знание есть приближение к абсолютной истине, какая-то часть ее.

Всем знакомо высказывание «о вкусах не спорят». Одни рассматривают его как верное, другие — как неверное. И обе стороны приводят убедительные аргументы в защиту своих точек зрения. Одни говорят, что спорить о том, что вкуснее — шоколад или торт, кто лучше — А. Блок или С. Есенин, — бесполезно, ибо все зависит от индивидуальности. Другие возражают, что есть же случаи, когда создаются пошлые примитивные произведения, вызывающие восторг у некоторых зрителей, читателей, слушателей. Кто же прав все-таки? Дело в том, что обе точки зрения не учитывают конкретности истины. О вкусах спорят, когда один вкус является неразвитым или дурным, но о них не спорят, когда отношение к вещи обусловлено различием индивидуальностей.

Существует также два противоположных мнения об известном изречении: «Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Одни признают его верным, другие — нет. А оно и верно, и неверно. Верно в отношении к тому, что связывает, объединяет друзей, и неверно в отношении к тому, в чем они отличаются друг от друга. Руководствуясь этим изречением, невозможно указать все, что присуще другу какого-либо конкретного человека.

Определяя цели вузовского преподавания, академик А. Д. Александров, перефразируя известное из-

речение Плутарха («Ум ребенка — не сосуд, который нужно наполнить, а огонь, который нужно разжечь»), сказал: «Студент — это не сосуд, который надо наполнить, а светильник, который необходимо зажечь». А. Д. Александрову возражали: «Пустой светильник не горит». Некоторым эти высказывания представлялись полностью исключаящими друг друга. На самом же деле они истинны лишь в определенных отношениях, за пределами которых нетрудно обнаружить их несостоятельность. Преподавание в вузе имеет целью и «наполнить светильник», и «зажечь его». Вернее, наполняя, зажигать, ибо надо, чтобы студент не только хорошо усвоил старое, но и искал и создавал новое.

Положение «насилие — зло» истинно в той мере, в какой насилие применяется для достижения дурных целей или когда цель может быть достигнута и без него. Рельефно эта мысль выступает в стихотворении Н. Асеева «Надежда»:

Насилье родит насилие
и ложь умножает ложь;
когда нас берут за горло,
естественно взяться за нож.
Но нож объявлять святыней
и, вглядываясь в лезвиё,
начать находить отныне
лишь в нем отраженье свое,—
нет, этого я не сумею,
и этого я не смогу:
от ярости онемею,
но в ярости не солгу!
Убийство зовет убийство,
но нечего утверждать,
что резаться и рубиться —
великая благодать...

Таким образом, любая истина является ложной за пределами отношения, которое она отражает.

Вот поэтому на вопрос, поставленный в безотнормительной форме, нельзя дать однозначный ответ. Однозначный ответ возможен лишь в строго определенном отношении. Сказанное распространяется не только на область научного познания, но и на все другие сферы жизни общества.

Одним словом, диалектическая логика учит, что ««абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов»¹.

Диалектический метод исключает также эклектику, которая есть соединение несовместимых исходных принципов в исследовании предмета или в построении теории.

Соединение разнородных философских концепций приводит к неразберихе, к теоретической «окрошке». Ф. Энгельс следующим образом характеризовал положение философии в Германии, когда после Гегеля была выброшена за борт диалектика. «...Как раз в тот самый момент, когда диалектический характер процессов природы стал непреодолимо навязываться мысли и когда, следовательно, только диалектика могла помочь естествознанию выбраться из теоретических трудностей», — тогда в «университетах конкурировали между собой различнейшие сорта эклектизма, у которых общим было только то, что они были состряпаны из одних лишь отбросов старых философских систем и были все одинаково метафизичны»². Ф. Энгельс, следовательно, называл эклектизмом в философии стряпню из разных систем, не совместимых друг с другом.

В начале XX в. в социал-демократическом движе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 368.

нии наблюдались попытки соединить марксизм с субъективно-идеалистической философией махизма. Высмеивая эти попытки, Г. В. Плеханов называл их следствием эклектичности мышления. «С помощью эклектизма можно «соединить» все, что угодно, со всем, что в голову взбредет,— писал он.— Но эклектизм никогда не приводил ни к чему хорошему ни в теории, ни на практике».

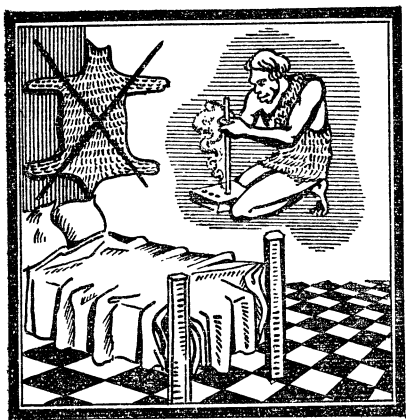
Против попыток соединить марксизм с идеалистическими заблуждениями направлена работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в которой он показывает, что не только философский ревизионизм, но и субъективный идеализм Д. Беркли, Р. Авенариуса, Э. Маха и других сбивчив, эклектичен. Субъективные идеалисты, утверждая, что о вещах следует говорить как об «опытных данных», «комбинациях», «комплексах» ощущений и т. п., вынуждены, чтобы избежать солипсизма (то есть признания существования только сознания индивидуума), протаскивать в субъективный идеализм идеализм объективный (Д. Беркли) или даже материализм (Э. Мах). Логическая противоречивость, непоследовательность, соединение разнородных философских принципов присущи и современному идеализму, который стремится избежать абсурдов солипсизма не путем отказа от исходных посылок («вещи — комплексы ощущений», «материя — упорядоченные ряды ощущений» и т. д.), а путем эклектического соединения идей идеализма с положениями материализма. «Каждый по-своему прав, нет одной правды» — эта мысль высказывается все чаще в ученых трактатах и в спорах буржуазных идеологов. Формой признания эклектизма является концепция Г. Шелдона, философа из США, который объясняет все разногласия и неурядицы вредной врожденной склонностью к

исключительности и предлагает устранить все разногласия между философами признанием, «что все течения правы в своих утверждениях, но ошибаются в своих отрицаниях».

Итак, вопрос об отношении абсолютных и относительных моментов познания дополняется и конкретизируется в диалектическом материализме вопросом о конкретности и абстрактности отдельных истин. Это означает, что при оценке тех или иных результатов познания следует исходить из того, что, «подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях», истина и заблуждение «имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области». И поэтому как только мы «станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность сделается относительной и, следовательно, негодной для точного научного способа выражения. А если мы попытаемся применять эту противоположность вне пределов указанной области как абсолютную, то мы уже совсем потерпим фиаско: оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т. е. истина станет заблуждением, заблуждение — истиной»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 82.

4. От абстрактного знания к конкретному

В статье В. Ковалевского «Загадки аллергии» рассказывается о следующих случаях. Фараон Менес умер от укуса пчелы. От укуса пчелы обычно не умирают. Живший в XVI в. итальянский врач Иероним Кардано прослыл чудотворцем, излечив от астмы архиепископа Шотландии Джона Гамильтона.

Процедура лечения была несложной — вместо шкур на кровати больного появилось постельное белье из льна и холста. Была устранена шерсть, и болезнь исчезла. У молодого человека после свадьбы стали слезиться глаза. Оказалось, что болезнь вызывают... волосы жены. Как только врач приложил прядь волос супруги к шее пациента, его кожа покраснела, на глазах выступили слезы.

Случаи разные, произошли они в эпохи, далеко отстоящие друг от друга. И все же в них и подобных им случаях можно выделить то, что их объединяет: болезненную чувствительность организма некоторых людей к веществам, которые для большинства безвредны. Это явление было названо аллергией. Знание об аллергии является результатом обобщения многих различных случаев, то есть результатом абстрагирования, отвлечения от признаков других заболеваний.

Термин «абстракция» произошел от латинского слова *abstractio* — «отвлечение».

Абстракция, абстрагирование — один из моментов процесса познания, который состоит в отвлечении, в мысленном отбрасывании тех предметов, свойств, связей, которые затрудняют рассмотрение объекта исследования в «чистом виде».

Чтобы мысленно воспроизвести предмет исследования в «чистом виде», надо оставить в стороне все отношения, не имеющие ничего общего с данным объектом анализа. Есть отношения, в которых, например, можно пренебречь размерами тела и рассматривать его как точку. При измерении веса можно отвлечься от размера, объема, цвета, вкуса и т. д.

К. Маркс начинает анализ закона стоимости в «Капитале» следующим образом: «Рассматривая процесс абстрактно, т. е. оставляя в стороне обстоятельства, которые не вытекают из имманентных законов простого товарного обращения...»¹

А вот как характеризует процесс возникновения абстракций один из создателей квантовой механики, В. Гейзенберг: «Абстракция дает возможность обозреть предмет или группу предметов с одной точки зрения, отказавшись от всех других качеств предмета. Извлечение признака, который в этой связи рассматривается как особенно важный, в противоположность всем другим качествам, составляет сущность абстракции».

Без абстрагирования нет ни понятий, ни теорий. Ф. Энгельс отмечал, что понятия числа и фигуры возникли в результате способности людей отвлекаться от всех других свойств, кроме числа и формы. «Представления о линиях, поверхностях, углах, мно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 168.

гоугольниками, кубах, шарах и т. д. — все они отвлечены от действительности...»¹ — писал он, отмечая тут же, что математика, как и все другие науки, возникла из практических потребностей людей. Это означает, что не только математические абстракции, но и любые другие — не произвольная игра разума, а выражение практической необходимости обособленного рассмотрения вещей и их свойств.

К. Маркс в замечаниях на учебник политической экономии А. Вагнера показал, как формировалось в результате абстрагирования отношение к вещам как к благам: люди начинали с действия, они овладевали предметами внешнего мира и таким образом удовлетворяли свои потребности. Благодаря повторению этого процесса способность предметов «удовлетворять потребности» людей запечатлевалась в их мозгу, люди научились и «теоретически» отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов. На известном уровне развития, после того, как умножились и развились потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди давали отдельные названия целым классам предметов, которые они уже отличали на опыте от остального внешнего мира. «...Они, возможно, называют эти предметы «благами» или еще как-либо, что обозначает, что они практически употребляют эти продукты, что последние им полезны...»²

Презрительное отношение к абстракции, которое иногда встречается, неправомерно, так как оно не учитывает ее действительной роли в процессе познания, а видит в ней лишь одностороннее, бедное, неразвитое, оторванное от реальной взаимосвязи вещей

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 39.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 378.

знание. Такое мышление критиковал еще Гегель в статье «Кто мыслит абстрактно?». Ведут на казнь убийцу. Для толпы зевак он убийца, и только. «Это и называется,— пишет Гегель,— «мыслить абстрактно» — видеть в убийце только одно абстрактное — что он убийца и называнием такого качества уничтожать в нем все остальное, что составляет человеческое существо». Подобная абстракция действительно есть знание объекта только с одной стороны. «Затвердевая», такая абстракция может вытеснить и исключить все другие возможные оценки объекта. У человека, мыслящего только абстрактно, чрезвычайно односторонний подход ко всем явлениям жизни.

М. И. Калинин неоднократно призывал избегать одностороннего подхода к человеку. Он говорил, что если, скажем, ученик совершил проступок, но вместе с тем сделал и что-то хорошее, то он должен быть соответственно и наказан, и поощрен. Хорошее не должно отменять наказания и наоборот.

Термин «абстрактное» имеет несколько значений. Он употребляется в том смысле, о котором говорилось выше, и в качестве синонима «мысленного», «понятийного», противоположного чувственно-созерцаемому, наглядно данному.

Преодоление односторонности абстракции происходит при переходе к конкретному. (Термин «конкретный» образован от латинского *concretus* — густой, твердый. Латинское *concretio* означает «срастание», «сгущение».)

Маркс писал, что нужно различать конкретное как изучаемый предмет, как то, что дано нам в чувственном восприятии и представлении, и конкретное как всестороннее научное знание этого предмета. В первом смысле конкретное есть исходная предпосылка исследования, оно и есть как раз результат

«живого созерцания» и представляет собой «действительный исходный пункт» познания. Конкретное же во втором смысле есть результат всестороннего и полного научного исследования предмета, оно есть отражение единства многообразного посредством системы абстракций — понятий, категорий, теорий.

Процесс научного познания действительности осуществляется, как показал Маркс, двумя диалектическими путями: путем восхождения от конкретного, данного в восприятии и представлении, к абстракции и путем восхождения от этой абстракции к конкретному как к единству многообразных знаний о предмете. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления¹. В этом смысле абстрактное понятие конкретней исходного конкретного, ибо «мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное*... — от истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона природы, абстракция стоимости* и т. д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»².

Исходное конкретное хаотично, для познающего человека его «густота» существует как знание отдельных случаев, примеров и т. д. Мысль на этом уровне не поднимается до обобщений, выведения принципов, выделения связей. Когда человек может привести пример, но не может сформулировать правило, то это означает, что он в своем мышлении не

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 727.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152.

преодолеет еще ограниченности исходного конкретного.

У Энгельса мы находим такую формулировку: «Общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный «конкретный» пример этого»¹. Иллюстрацию этой краткой формулы он дает в «Диалектике природы». Вначале люди отмечали отдельные случаи возникновения теплоты в результате трения. Однако до того как люди оказались способными сформулировать общее положение о том, что всякое механическое движение способно посредством трения превращаться в теплоту, прошли тысячелетия, пишет Энгельс. Это общее положение является абстрактным по сравнению со знанием отдельных случаев, в том смысле, что оно дальше от «густоты» единичности. Но зато оно ближе к общему в массе единичных случаев. Это в еще большей мере относится к суждению «любая форма движения способна и вынуждена при определенных для каждого случая условиях превращаться, прямо или косвенно, в любую другую форму движения». Эта формулировка абстрактней таких положений, как «трение есть источник теплоты» и «всякое механическое движение способно посредством трения превращаться в теплоту», так как дальше, чем они, отстоит от любого конкретного случая превращения энергии. Но она вместе с тем и конкретней их, так как отражает сущность, закон всех единичных случаев движения².

Точно так же абстрактно понятие о четном числе как о числе, делящемся на 2, поскольку оно есть результат отвлечения от других свойств чисел, но оно конкретно, потому что содержит понятие о некото-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 537.

² См. там же, стр. 539.

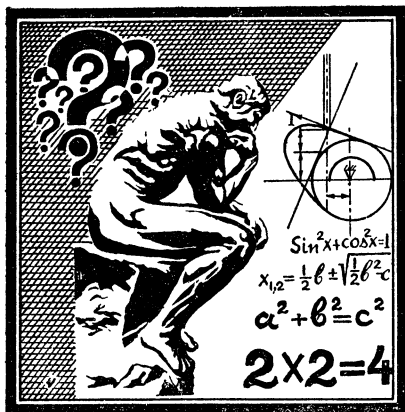
рых общих закономерностях связи чисел. Таким же отношением абстрактности и конкретности характеризуется любое суждение, любая теория.

Наивысшей конкретности знание достигает при всестороннем исследовании объекта. Всякое конкретное знание, воспроизводя объект в его сложности и многокачественности, представляет собой синтез абстракций. Этот путь познания представляет собой движение, восхождение от абстрактного к конкретному. Этот метод был впервые выявлен Гегелем, который дал ему, однако, идеалистическое толкование, представив как процесс, в котором мысль не просто постигает конкретные предметы, но и порождает их.

Диалектико-материалистическое объяснение и применение метода восхождения от абстрактного к конкретному впервые осуществил К. Маркс в «Капитале», где им раскрыты законы и сущность капиталистического способа производства, всесторонне охарактеризованы отношения пролетариата и буржуазии, вскрыты пути превращения рабочей силы в товар, выявлены законы получения прибавочной стоимости и т. д. Конкретная картина капитализма была нарисована Марксом с помощью абстракций «труд», «стоимость» и т. д. «Конкретное потому конкретно,— пишет Маркс,— что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 727.

ПОЧЕМУ ВОЗНИКАЮТ ЗАБЛУЖДЕНИЯ?

1. Кто как полагал

Итак, мы установили, как возможна истина. Теперь следует выяснить, почему возникают заблуждения. В чем только философы не видели причину заблуждений! Весьма острым был спор о причинах заблуждений между сенсуалистами и рационалистами. Сенсуалисты (от лат. *sen-* *sus* — чувство, ощу-

щение) полагали, что единственным источником познания являются ощущения. Французские философы XVIII в. Гольбах, Гельвеций, немецкий философ XIX в. Л. Фейербах и другие были уверены в том, что заблуждения возникают лишь тогда, когда мышление отрывается от ощущений: только ощущения безошибочны, достоверны. Рационалисты (от лат. *rationalis* — разумный), напротив, считали, что ощущения, восприятия обманывают нас и что лишь мышле-

ние — ясное, отчетливое — достоверно. Так, Платон винил в заблуждениях органы чувств и «влечение тела», призывал отдаваться чистой мысли, отрешаясь при этом возможно более от зрения, слуха и т. д., не позволяющих душе достичь мудрости. Рационалистами были Р. Декарт, Б. Спиноза и другие.

Сенсуализм и рационализм — это метафизические крайности, это абсолютизирование либо чувственного, либо рационального моментов в познании.

В гносеологии давно была замечена причастность эмоционально-чувственной сферы психики человека к появлению заблуждений. О возможности возникновения заблуждений под влиянием страстей писали многие философы.

Большое влияние на современников и последующие поколения ученых оказала, например, книга английского философа XVII в. Ф. Бэкона «Новый органон», в которой утверждалось, что из науки следует устранить умозрительный, не опирающийся на опыт метод и применять индуктивный метод, опирающийся на наблюдение и эксперимент. Бэкон призывал избегать четырех «идолов», порождающих заблуждения. Это идолы «рода», «пещеры», «рынка» и «театра». Первые обусловлены человеческой природой — это перенос свойств человека на предметы природы, приписывание им того, что присуще лишь человеческому роду. Вторые возникают вследствие симпатий, антипатий, предпочтений, эти ошибки идут от индивидов, их выбора. Третьи — это заблуждения, причиной которых является неправильное употребление слов. Четвертые «идолы» — это ошибки, порождаемые некритическим усвоением ложных мнений других людей. Ф. Бэкон отмечал, что человек верит в истинность того, что предпочитает, подчеркивая тем самым влияние интереса на познание. Неправильное

употребление слов в качестве источника заблуждений отмечал и Гельвеций в трактате «Об уме».

Нет необходимости перечислять здесь и оценивать все взгляды на причину заблуждений. Остановимся лишь на том, как возникала идея связи истины и заблуждения и как осознавалось влияние бытия субъекта на его мышление. Французский философ XVIII в. Ж. Б. Робине в трактате «О природе» писал: «Если обратить внимание на распространенные среди людей заблуждения, то мудрец по-видимому должен столько же или даже больше не доверять общепринятым мнениям, чем самым странным идеям». Это был подход к разрешению проблемы связи истины и заблуждения, но еще не разрешение проблемы.

Впервые в истории философии диалектическую связь истины и заблуждения вскрыл Гегель. Он первым понял заблуждение как условие развития истины, образно говоря, как «муку» истины. Гегель высмеивал в «Феноменологии духа» метафизический взгляд, по которому истинное и ложное относятся к таким самостоятельным сущностям, из которых одна изолированно и прочно стоит по одну сторону, а другая — по другую, не имея ничего общего между собой. «Вопреки этому следует указать, что истина не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде... и в таком же виде спрятана в карман».

Нельзя ложное рассматривать как составную часть истинного, подчеркивал этот немецкий философ-диалектик. Оба — моменты знания, и возникают с необходимостью в процессе познания. Отношение к заблуждениям как к свидетельству движения познания к истине является несомненным вкладом этого мыслителя в учение об истине.

Буржуазная мысль эпохи империализма в поисках источника заблуждений зачастую метафизически повторяет идеи, которые были высказаны уже раньше. Так, представители лингвистической философии видят источник заблуждений в несовершенстве естественного, обычного языка, а сторонники логического позитивизма — в отходе от опыта, от чувственных данных. Уже в домарксовской материалистической философии начинала созреть идея, что источник заблуждения надо искать в условиях жизни людей. Л. Фейербах говорил, что «во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах».

Оригинальная и глубокая идея о причине заблуждений была высказана социалистами-утопистами. Они впервые указали на такой источник заблуждений, как частнособственнические отношения. Р. Оуэн писал, что частная собственность создает склонный к несправедливости характер у тех, которые владеют большим богатством, «и самые отталкивающие чувства ненависти и зависти в людях, страдающих от бесчисленных зол бедности». А эти чувства порождают ложные идеи.

Однако социалисты-утописты метафизически рассматривали заблуждения, как нечто внешнее по отношению к истине, абсолютно чуждое ей, а не как «мýку» истины.

Марксистско-ленинская философия, не отбрасывая того, что было сделано в исследовании заблуждения, показала не только то, чем определяются интересы, страсти, склонности людей, но открыла также законы самого общественного бытия людей, а тем самым и законы их познавательной деятельности. Таким образом, марксизму принадлежит заслуга открытия глубинных социальных и гносеологических корней заблуждений.

2. Бытие человека и заблуждения

К. Маркс и Ф. Энгельс, определив в «Немецкой идеологии» общественное бытие людей как «реальный процесс их жизни», писали, что «даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса...»¹. Ос-

новой всех сторон реального жизненного процесса является производство непосредственных материальных средств к жизни. Экономическая жизнь общества обуславливает в конечном счете иерархию компонентов жизни общества, класса, личности, а также воззрения людей.

Изучая, например, возникновение веры в сверхъестественное, то есть религиозных заблуждений, следует установить, каким было тогда общественное бытие людей. Когда вслед за французскими материалистами говорят, что религия возникла потому, что первобытные люди были невежественны, не знали действительных причин природных явлений, то, по существу, оставляют вопрос о том, что вызвало веру в сверхъестественное, открытым. Ведь если незна-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т 3, стр. 25.

ние — причина религиозных заблуждений, то всегда, когда есть незнание чего-то, должна возникать вера в сверхъестественное. А на деле это не так. Многие науке и сейчас неизвестно, тем не менее она не ссылается на сверхъестественные силы.

Само по себе незнание, одно невежество не способно породить религиозные предрассудки. Что же вызывает их?

В. И. Ленин в статье «Социализм и религия» писал об этом так: «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»¹.

Религиозные воззрения возникли в первобытном обществе как отражение в сознании людей подчиненности их стихийным силам природы вследствие слабого развития производительных сил и разобщенности родов и племен. «Страх породил богов». В антагонистическом обществе религия держится не только потому, что она выгодна господствующим классам. Вера в лучшую, загробную жизнь порождается условиями существования самих угнетенных классов. Французский исследователь происхождения религии Шарль Эншлен высказал афоризм, в котором четко сформулирована зависимость религиозных убеждений от общественного бытия: «Христос победил потому, что потерпел поражение Спартак». К. Маркс, называя религию «вздохом угнетенной твари», «опиумом народа», писал: «Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа*

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 142.

от такого положения, которое нуждается в иллюзиях»¹.

Критики религии до К. Маркса и Ф. Энгельса, в частности французские материалисты XVIII в. и Л. Фейербах, объясняя происхождение и существование религиозных заблуждений лишь невежеством, обманом и плохим мышлением (глупостью), полагали, что религию можно устранить, если просветить народные массы. Как подчеркивал В. И. Ленин в статье «Социализм и религия», было бы нелепостью думать, что в обществе, основанном на угнетении, можно чисто проповедническим путем рассеять религиозные предрассудки. Корни религии подрываются прежде всего революционным преобразованием общественного бытия, изменением реального процесса жизни, устранением «бездушных порядков».

Марксизм вскрыл роль реакционного классового интереса, реакционной позиции личности, узости бытия субъекта в возникновении заблуждений. В. И. Ленин говорил, что «люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»².

Классовый интерес может способствовать познанию только тогда, когда в нем выражается та или иная потребность общественного прогресса. Вне этой связи классовый интерес ослепляет, ведет к отбрасыванию истины, вызывает заблуждения. В одной из своих статей В. И. Ленин приводит известное изречение о том, что если бы геометрические аксиомы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 415.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 47.

задевали интересы людей, то они, наверное, опровергались бы.

К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно подчеркивали определяющее влияние на мышление особенностей бытия, особенностей жизни индивида, зависящих от общественных отношений. Одностороннее, «частичное» бытие создает «частичного», «флюсообразно» развитого человека. Его интересы, симпатии и антипатии узки. Они направляют его мышление. Эта односторонность мышления порождает недооценку того, что лежит за пределами этих интересов. Но «у индивида... жизнь которого охватывает обширный круг разнообразной деятельности и различных видов практического отношения к миру и является, таким образом, многосторонней жизнью,— у такого индивида мышление носит такой же характер универсальности, как и всякое другое проявление его жизни»¹.

В качестве иллюстрации того, как обстоятельства жизни человека влияют на его образ мыслей, воспользуемся тем материалом, который содержится в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Писатель показывает, как герой романа Раскольников, раздавленный бедностью, приходит в одиночестве к «проклятой мечте» — обогатиться, убив старуху-процентщицу. Раскольников совершает злодеяние, выдумав себе перед этим «теорию», согласно которой необыкновенный человек имеет право пролить кровь другого человека, и все необыкновенные люди — преступники, ибо, неся новое, так или иначе преступают сложившиеся устои.

Д. И. Писарев, анализируя историю преступления Раскольникова, писал, что «эта теория выработана им в зловещей тишине глубокого и томительного

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 253.

уединения; на этой теории лежит печать его личного характера и того исключительного положения, которым была порождена его апатия».

Действительно, не окажись Раскольников в таком тяжелом положении, не возникли бы поиски выхода. А выход искал человек, который был беден, голоден, обескуражен и озлоблен. И он размышлял не так, как размышляют люди, находящиеся в хорошем, ровном и спокойном расположении духа. И все же Раскольников не хотел иметь ничего общего с ворами и грабителями по ремеслу. «Он хотел убить и ограбить, но так, чтобы на него не брызнула ни одна капелька пролитой крови... чтобы все прежние друзья и товарищи жали ему руку с прежним сочувствием и уважением и чтобы его мать и сестра более, чем когда бы то ни было, считали его своим ангелом-хранителем, сокровищем и утешением».

Но чтобы этого достичь, чтобы не мучиться угрызениями совести, надо в убийстве не видеть злодейства, оправдать его. Сооружая свою «теорию», Раскольников не был беспристрастным мыслителем, отыскивающим чистую истину и готовым принять эту истину, в каком бы неожиданном и даже неприятном виде она ему ни представилась. «Чтобы подстроить доказательства, Раскольников всеми правдами и неправдами раздвигает рамки того понятия, которое в общеупотребительном разговорном и литературном языке связывается со словом преступник. Расширив это понятие и сделав его по возможности неопределенным, Раскольников подводит под него все, что ему угодно, и облагораживает деятельность воров и разбойников, завербовывая в их компанию всех замечательных людей, оставивших следы своего существования и влияния в истории человечества», — писал Д. И. Писарев.

Итак, причина той или иной ложной идеи, концепции не в одних только внешних обстоятельствах и условиях, в которых живет личность, и не просто в том, что ум «хватил в сторону», но в том, что ум действительно хватил в сторону, питаясь внешними обстоятельствами. Если учитывать что-нибудь одно и не принимать во внимание другое, то невозможно найти и объяснить истинные причины того, почему и как человек пришел к тому или иному выводу, почему он поступил так, а не иначе.

3. Гносеологические корни заблуждений

Причина возникновения каждого заблуждения сложна. Чтобы найти ее, надо учесть, что конкретно повлияло на процесс мышления и какая особенность познания проявила себя. Особенности познания, которые порождают заблуждения, получили название «гносеологических корней заблуждений».

В. И. Ленин писал: «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *н е е с т ь* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный,

включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни...»¹

Чувственный и рациональный моменты познания противоречивы, они ведут к истине, но содержат и возможность заблуждений. Это противоречие разрешается лишь в процессе познания. Каждый же отдельный результат «схватывает» объект не полностью, ибо «опыт всегда незакончен». Говоря словами В. И. Ленина, лишь «бесконечная сумма общих понятий, законов етс. дает конкретное в его полноте»². Каждый результат познания ведь относителен, чувственные данные не составляют исключения. Опустите палку в воду. Она покажется переломленной. (Этот пример приводится рационалистами в рассуждениях об «обмане» нас органами чувств.) «Обманывает» ли нас зрение в описанной ситуации? И нет и да. Оно не обманывает нас, поскольку фиксирует преломление лучей света при переходе из одной среды в другую, более плотную. Но оно вводит нас в заблуждение, поскольку создает иллюзию, будто палка переломлена, хотя сцепление ее частиц осталось прежним. В этом легко убедиться, если опустить палку или вынуть ее из воды.

Опираясь чувственно данной информацией, следует помнить, что существуют пороги ощущений: мы не все существующее видим, слышим, осязаем и т. д. При длительных, повторяющихся воздействиях раздражителей происходит адаптация — притупление остроты восприятия.

Чувственные данные лежали в основе концепции сплошного строения вещества, которая исходила из непосредственных наблюдений. При рассмотрении,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 330.

² Там же, стр. 252.

например, куску металла нам представляется, что весь его объем сплошь заполнен однородным веществом, хотя в действительности это и не так. Экспериментально было установлено, что размеры твердых тел изменяются в зависимости от различных физических воздействий. Концепция сплошного строения вещества не способна была объяснить эти изменения. Она противоречила эксперименту и была отвергнута.

В рациональном моменте познания также таятся возможности заблуждений. Без абстракций нет познания, но любая абстракция отражает весьма «тонкую», как лезвие бритвы, сторону объекта, и поэтому содержит возможность «потери» данного объекта. В. И. Ленин отмечал, что возможность идеализма дана уже в первой, элементарной абстракции¹.

Степень абстрактности той или иной науки возрастает с применением математики. В конце XIX — начале XX в. прогресс теоретической физики привел к тому, что она стала математической физикой. Одним из последствий этого факта явился так называемый «физический идеализм». Недиалектическое мышление некоторых физиков того времени породило взгляд на математические отношения как на не имеющие никакой связи с реальными отношениями и элементами. Абстракции физики и математики воспринимались как заменяющие и даже «отменяющие» физическую реальность. «Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками. «Материя исчезает», остаются одни уравнения»², — писал В. И. Ле-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 330.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 326.

нин, вскрывая гносеологические корни «физического идеализма».

Мышление, остановившееся на уровне абстракции, подвергается процессу «затвердевания», приходит в конечном счете к односторонности, к отрыву противоположностей друг от друга, и является метафизическим. «Прямодийность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота *voilà* (вот — *Ред.*) гносеологические корни идеализма»¹, — подчеркивал В. И. Ленин.

Метафизичность мышления дает о себе знать не только в философии и специальных науках, но и в практической деятельности. Если субъект абсолютизирует известное ему, то он мыслит, как принято сейчас говорить в науке, «в единственной системе отсчета». Заблуждения потому и возникают, что какая-то система отсчета превращается субъектом в единственную, что человек начинает смотреть на все «со своей колокольни».

Виды заблуждений разнообразны. Распространенными являются те, которые возникают, когда человек чего-нибудь хочет и под влиянием интереса преувеличивает значение желаемого. В качестве примера могут служить суждения о высшем благе. Что только не объявляют высшим благом! И здоровье, и деньги, и славу, и власть, и любовь, и наслаждение... Пристрастие превращает определенное благо в «высшую ценность». Тогда человек невольно склонен неверно судить обо всех других ценностях.

Нередко под влиянием эмоционального отношения к какому-либо отдельному, индивидуальному свойству предмета принимается или отвергается его родо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322.

вой признак. Ф. Энгельс отмечал, например, что немецкий философ Людвиг Фейербах, ошибочно отождествляя существовавший в его время вульгарный материализм с материализмом вообще, пришел к отрицанию последнего. «Идя назад, я целиком с материалистами; идя вперед, я не с ними», — писал он. Что же породило вторую часть этой фразы? Ф. Энгельс объясняет это так: «Фейербах смешивает здесь материализм как общее мировоззрение, основанное на определенном понимании отношения материи и духа, с той особой формой, в которой выражалось это мировоззрение на определенной исторической ступени, именно в XVIII веке. Больше того, он смешивает его с той опошленной, вульгаризированной формой, в которой материализм XVIII века продолжает теперь существовать в головах естествоиспытателей и врачей и в которой его в 50-х годах преподносили странствующие проповедники Бюхнер, Фогт и Молешотт. Но материализм, подобно идеализму, прошел ряд ступеней развития. С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму. А с тех пор, как и истории было дано материалистическое объяснение, здесь также открывается новый путь для развития материализма»¹.

Подобной ошибки не избежал и позитивизм, возникший в 30-х годах прошлого века как отрицание господствовавшей в то время философии, которая претендовала на роль науки наук, создавая умозрительные конструкции и тормозя тем самым развитие экспериментальных исследований. Такую философию необходимо было подвергнуть отрицанию, но

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 286.

позитивисты стали отрицать философию вообще, объявив традиционные философские вопросы псевдовопросами. Это было «голое, зряшное» отрицание.

Позитивисты полагали, что их позиция соответствовала потребностям прогрессивного развития науки, однако в конечном счете эта позиция была метафизической, реакционной и отрицательно влияла на развитие науки.

Ошибочные идеи порождаются и в ситуации, когда что-то принимается только потому, что оно соответствует классовой позиции и вследствие этого объявляется всеобщей нормой, идеалом. К. Маркс и Ф. Энгельс критиковали в свое время взгляды Макса Штирнера, немецкого философа-идеалиста, выразителя интересов мелкой буржуазии, который пытался обосновать анархический индивидуализм, принимая индивидуализм, эгоизм буржуа за общие признаки сознания людей. «...Он раздувает господствующее *сознание*... его непосредственного окружения, возводя его в нормальное сознание «человеческой жизни»»¹, — писали они.

Итак, мы выяснили, что заблуждения возникают в результате одностороннего, ограниченного, абстрактного подхода к предметам, а также при невыполнении логических условий получения истинного вывода.

Мыслит не некий абстрактный человек, а человек, имеющий определенные чувства, интересы, привязанности и цели, мыслит дитя своей эпохи, представитель определенного класса, профессии и т. д. Люди живут в определенных условиях и зависят от них. Именно в бытии людей таится разгадка причин заблуждений.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 114.

4. Доказательство истин и опровержение заблуждений

Всякий раз, когда возникает заблуждение, абсолютизация того, что имеется в действительности, совершается логическая ошибка или ложный вывод основывается хотя бы на одной ложной посылке. Условиями получения истинных выводов являются истинность исходных данных и правильная связь

посылок. Ф. Энгельс писал: «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности...»¹

Логическая ошибка — это неправильная связь мыслей, неправильный способ рассуждения. Когда логическая неправильность рассуждения допускается преднамеренно, с целью ввести кого-то в заблуждение, получается софизм (от греч. *sophisma* — измышление, хитрость). Если же логическая неправильность не замечается рассуждающим, то налицо логическая ошибка, или паралогизм.

Из положения об объективности истины следует, что доказать можно лишь то, что действительно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 629.

истинно. Поскольку истина не зависит от мнений и воли субъекта, постольку процесс доказательства не делает мысль истинной, а лишь обнаруживает, показывает ее истинность. В этом значение доказательства.

Если посылки истинны, но в рассуждении сделана логическая ошибка, то вывод может оказаться ложным. Если субъект отнесется к нему некритически и не заметит ошибки в связи мыслей, возникает заблуждение. Возможно и другое: связь мыслей может быть правильной, а вывод — ложным, если неверна хотя бы одна из посылок. Возможно сочетание и того и другого, то есть ложности посылок и логической неправильности вывода. Вспомним разговор Чичикова с Плюшкиным из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Чичиков изъявил готовность платить подати за всех умерших крестьян. Плюшкин вытаращил глаза, долго смотрел на него и наконец спросил: «Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?» А «услыша, что даже издержки по купчей он принимает на себя, Плюшкин заключил, что гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а верно был в офицерах...». Плюшкин не любил военных и считал, что все военные глупы. А так как он принял Чичикова за глупого, то и предположил, что тот был военным. Здесь ложной была посылка «все военные глупы», и поэтому ложен вывод «Чичиков глуп, следовательно, он был военным». Ни посылки, ни связь мыслей не гарантируют здесь достоверности вывода, ибо известно, что если класс имеет определенный признак и у предмета есть этот признак, то отсюда не следует, что предмет входит в этот класс.

В процессе подлинного доказательства происходит логическое обоснование (демонстрация) истинно-

сти положения (тезиса) с помощью других положений (аргументов, доводов). Это значит, что правильно доказывающий приводит те положения, из которых логически следует тезис. Например, утверждение «этот раствор щелочь» доказывается тем, что достоверно известно: он окрашивает лакмус в синий цвет. А все растворы, окрашивающие лакмус в синий цвет, являются щелочами. Все рассуждения, построенные по схеме: класс предметов K имеет признак a , предмет N входит в K , следовательно, N имеет a , при условии истинности посылок дают истинный вывод. Такие рассуждения имеют доказательную силу.

В процессе исследования получают, накапливаются аргументы. Доказательство — перевернутое умозаключение (или перевернутая совокупность умозаключений). Но не все доказательства одинаковы по своему построению. В некоторых из них истинность тезиса прямо выводится из истинности аргументов. Эти доказательства так и называются прямыми. Приведенный выше пример — прямое доказательство. В других же случаях истинность тезиса выводится из обоснования ложности антитезиса (то есть положения, противоречащего тезису). Такие доказательства называются косвенными. В математике их обычно именуют «доказательствами от противного».

Рассуждение в косвенном доказательстве идет следующим образом: предполагается, что антитезис является истинным и из него выводятся возможные следствия. При этом обнаруживается, что эти следствия противоречат либо аксиоме, либо известной доказанной теореме, либо известным фактам. Остается заключить, что антитезис ложен, а тезис, следовательно, истинен. Именно таким является, например, доказательство теоремы: «Если две плоскости пер-

пендикулярны к одной и той же прямой, то они параллельны». Допустим, что истинным будет антитезис, то есть что плоскости пересекутся. Через точку на линии их пересечения и прямую, к которой перпендикулярны данные плоскости, проведем дополнительную плоскость. Прямые, по которым дополнительная плоскость пересечет данные плоскости, являются двумя перпендикулярами к заданной прямой, проходящими через одну и ту же точку. Но это противоречит известной теореме. Следовательно, предположение о том, что плоскости пересекутся, неверно. Значит, плоскости параллельны.

Истинность или ложность мысли должна быть выведена, а не объявлена, не навязана. Убежденность не делает мысль истинной или ложной, поскольку эти качества не зависят от субъекта.

Французский философ-материалист Гельвеций писал, что если бы люди «чаще повторяли слова Фонтенеля: *«Никто не избегает заблуждений, неужели я один непогрешим? Может быть, я ошибаюсь именно в тех вещах, в которых я упорствую с наибольшим фанатизмом?»*; если бы они постоянно помнили эту истину, то они были бы более настороже против своего тщеславия, более внимательны к возражениям своих противников, более доступны истине; они были бы кротче, терпимее и, несомненно, были бы не такого высокого мнения о своей мудрости». Важно заметить и другое. Невозможно доказать истинность или ложность мысли, высказанной в безотносительном виде. Истина всегда конкретна. Невозможно обосновать в безотносительном виде даже такие истины, как: «сумма внутренних углов прямоугольника равна 180° », «человек человеку — друг, товарищ и брат». Они истинны и доказаны, но в определенном отношении. Первое вытекает из положений эвклидовой гео-

метрии и истинно применительно к так называемому аффиному пространству. Но при иных пространственных отношениях обосновывается утверждение «сумма внутренних углов треугольника меньше $2d$ » (Лобачевский) или положение «сумма внутренних углов треугольника больше $2d$ » (Риман). Второе положение истинно лишь применительно к добрым делам, но делающие зло не являются друзьями, товарищами, братьями тому, кому они делают зло. Таким образом, определение отношения, в котором обосновывается тезис, — необходимое условие успеха доказательства.

Опровержение есть вид обоснования. Это обоснование ложности какого-то положения или логической несостоятельности чьего-либо доказательства. Опровергнуть можно лишь то, что объективно ложно.

Альтернативными, взаимоисключающими гипотезами, мнениями и т. п. не являются те, которые высказаны не в одном и том же отношении. В результате проверки и доказательства может возникнуть синтез их. Упрощенное понимание процесса познания состоит в том, что оно сводит соперничество гипотез к тому, что одна принимается, а другая отвергается. Примером такого упрощенного понимания отношения соперничающих гипотез является высказывание профессора Чикагского университета Дж. Платта: «Если у вас есть некоторая гипотеза, а у меня есть другая гипотеза об этом предмете, то ясно, что одну из них нужно отбросить. У ученого, по-видимому, нет иного выбора, как либо оставаться в дураках, либо быть спорщиком».

Как осуществляется опровержение тезисов и аргументов? Они могут быть опровергнуты различными приемами.

Могут быть приведены факты, исключаящие истинность какого-то утверждения или отрицания.

Однако если имеются факты, противоречащие выдвинутому положению, то этого еще недостаточно для заключения о его абсолютной ложности. Возможно, что оно ложно как общее суждение, но истинно как частное суждение.

Один из приемов состоит в «сведении к абсурду». Опроверяющий условно допускает истинность выдвинутого положения и выводит из него следствие, которое противоречит известному закону, аксиоме и т. п.

Иногда прибегают к доказательству истинности такого тезиса, который является логическим отрицанием ранее выдвинутого тезиса или аргумента.

Тезис остается не опровергнутым, если он в процессе опровержения подменен другим. Такая подмена может произойти, если утверждение вырывается из контекста, то есть когда исчезает отношение, в котором оно высказано. А показать несостоятельность безотносительного суждения совсем нетрудно: всегда найдутся условия, к которым оно неприменимо, в которых оно ложно.

Обычно в опровержениях сочетаются различные способы и приемы. В полемике следует стараться понять то, что утверждает оппонент. Ведь если опровергается не то, что говорил оппонент, его суждения остаются неопровергнутыми.

В статье «Идеализм Платона» Д. И. Писарев писал: «Философия Сократа, говорят многие, хороша уже потому, что поддержала его в минуту смерти; он своею мученическою кончиною, говорят многие, запечатлел свое учение... Сократ умер как мужчина, потому что был мужчиною, а не потому, что его поддерживали в минуту смерти положения его философии. Одна и та же мысль производит на различных людей различное впечатление; из одной и той же

школы выходят люди с различными наклонностями и стремлениями; человек — не пустая бутылка, в которую можно влить какую угодно жидкость. Смерть Сократа рисует только личность этого человека, не говоря ничего ни *pro*, ни *contra* его учения. Смерть Сократа доказывает, что Сократ был не фразер, но не говорит нам, что он не мог ошибиться в теории или в жизни. Факты подтверждают мое мнение о том, что честность и стойкость Сократа принадлежали его личности, а не его учению. В числе учеников и друзей Сократа мы находим Алкивиада и Крития... Ни Алкивиад, ни Критий не отличались ни политической честностью, ни стойкостью убеждений, стало быть, учение Сократа оказалось несостоятельным, когда нужно было исправлять нравственность и переделывать природу человека».

Таким образом, восхваляя философию Сократа, неверно обосновывают тезис о том, что она «хороша» тем, что «поддержала его в минуту смерти», вместо того чтобы объяснить стойкость и честность Сократа во время смерти качествами его личности. Однако Д. И. Писарев не ограничивается обнаруживанием ошибочности приведенного суждения, он обосновывает фактами положение о том, что честность и стойкость Сократа — качества личности философа, а не его философии.

В предыдущих главах мы рассматривали признаки истины в ее отношении к предмету. Но есть еще важный аспект: какое отношение имеет истина к деятельности человека, к его существованию в окружающем мире?

Познание «живет» в единстве с практикой. Без истинного знания невозможно использовать и изменять предмет в нужном направлении, точно так же как без изменения предмета в нужном направлении не достичь истины. Влияние практики на знание и знания на практику взаимно.

От того, какими идеями, взглядами руководствуется человек, во многом зависит результат его деятельности. Так, либеральное народничество как движение потерпело крах, ибо, как писал В. И. Ленин, народники-либералы «борются не во имя непосредственно сознаваемых нужд и бедствий, а во имя известного учения, системы взглядов, извращенно представляющих содержание борьбы»¹. Их взгляды не соответствовали реальным процессам, происходящим в России, и поэтому их деятельность не могла привести к успеху.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 369.

Знания, являющиеся объективными истинами, — условие осуществления деятельности по преобразованию предметов природы и общественных явлений. «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, изменяет внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества)...»¹

В деятельности реализуются результаты познания. Именно в этом смысле наука превращается в непосредственную производительную силу. Современная научно-техническая революция есть реализация научных достижений в преобразовании производительных сил.

В отчетном докладе Л. И. Брежнева XXIV съезду КПСС говорилось: «В эпоху, когда все в большей мере проявляется роль науки как непосредственной производительной силы, главным становятся уже не отдельные ее достижения, какими бы блестящими они ни были, а высокий научно-технический уровень всего производства».

Это ставит еще более ответственные задачи перед нашей наукой, требует повышения ее эффективности, дальнейшего развертывания фундаментальных исследований, концентрации сил и внимания ученых на наиболее важных и перспективных направлениях научно-технического прогресса.

Истина является необходимым, но не достаточным условием достижения цели, ибо для этого нужно еще кое-что (настойчивость, умение, реальная возможность желаемого результата). Мало знать сущности, законы, свойства вещей, надо еще знать, как эти знания применить в деятельности. В. И. Ленин говорил на III съезде комсомола: «...недостаточно по-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 199.

нимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию...»¹

Но знание развивается по своим законам, и объяснить, почему возникла та или иная теория, исходя из одних только условий материального производства, игнорируя закономерности самого процесса познания, невозможно. Только из практики, без обращения к развитию знаний, не понять, чем вызвано было появление неэвклидовых геометрий, квантовой механики, теории относительности, теории систем и т. д.

Наука возникла в результате обособления познавательной функции общества, обусловленного разделением труда. Наука делает порой открытия, которые не сразу находят практическое применение. В некоторых из них вначале вообще не усматривают никакого практического значения. Так, когда Генрих Герц экспериментально обнаружил существование электромагнитных волн, предсказанных Максвеллом, и когда его спросили, могут ли эти волны быть применены для практических целей, то он категорически заявил, что никакого практического значения они иметь не будут. Но спустя пять—шесть лет была осуществлена первая беспроволочная связь. Здесь уместно привести ответ Фарадея на вопрос короля Георга IV о том, что практически дает открытая им электромагнитная индукция: «Ваше величество, а что практически дает дитя сразу же после своего появления на свет?»

Отношение познания и практики сложно, и запас истин впрок не повредит.

Кроме знаний о законах и сущностях природных и общественных явлений есть знания о ценностях

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 307.

жизни и культуры. Усвоение знаний о том, что является нравственным и безнравственным, добром и злом, справедливым и несправедливым, дает человеку возможность правильно определить линию поведения, ориентироваться в общественных событиях.

Нормы коммунистической морали требуют от личности такого поведения, которое бы создавало общественно значимые ценности. А это невозможно без овладения знаниями, в том числе и общественными науками.

Усвоение марксизма-ленинизма, раскрывающего законы общественного развития, позволяет научно решать моральные проблемы. Марксизм-ленинизм показывает, что критерием моральной деятельности является содействие строительству коммунизма. В речи на III съезде комсомола В. И. Лениным четко показана зависимость нравственности от знаний.

Нет такого зла, в причину которого не входило бы какое-нибудь заблуждение, совершено ли это зло по умыслу или по неосторожности.

Овладение истинами, преодоление заблуждений, предохранение себя и других от ошибок — обязанность каждого строителя коммунистического общества. Ф. Энгельс писал, что «свобода воли означает... не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»¹. Однако некоторые мыслители склонны видеть в истине нечто враждебное человеческой жизни и деятельности. Итальянский поэт Джакомо Леопарди (XIX в.) говорил, что истина могла бы принести лишь вред. Она раскрыла бы людям их несчастье, показала бы ничтожность всех их благ. Тогда люди лишились бы надежды, с помощью которой они поддерживают свою жизнь. Подобных взглядов

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 116.

придерживался также Э. Гартман, немецкий философ-идеалист. По мере прогресса знания, писал он, человечество будет становиться все более и более несчастным, ибо знание будет безжалостно разрушать одну за другой те иллюзии, которые до сих пор помогали человечеству мириться с бедствиями жизни. Такие взгляды не чужды и некоторым современным представителям буржуазной культуры. Суть их точно выражена в словах Фердинанда, одного из героев Э. М. Ремарка, который советует: «Никогда не старайся узнать слишком много, Робби! Чем меньше знаешь, тем проще жить. Знание делает человека свободным, но несчастным».

Однако лучшая часть передовых писателей и философов всегда находилась на передней линии борьбы в отстаивании разума, истины, знаний. У А. С. Пушкина есть прекрасные строки, выражающие его отношение к знанию и просвещению:

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум.
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.

«И в просвещении стать с веком наравне»! Прекрасная цель, если она направляется желанием делать добро и утверждать справедливость.

В условиях строительства коммунизма овладение знаниями, профессией — не окончательная цель, это лишь одно из условий формирования всесторонне развитого, гармоничного человека.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ	3
Глава I. ИСТИНА И ЗАБЛУЖДЕНИЕ КАК ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ	5
1. Знаменитый вопрос	—
2. Истина и заблуждение	8
Глава II. КРИТЕРИЙ ИСТИННОГО	11
1. Адекватность и неадекватность отражения	—
2. Объективность и субъективность истины	18
3. Практика и познание	28
Глава III. ИСТИНА КАК РЕЗУЛЬТАТ И ПРОЦЕСС	39
1. Безусловны ли истины?	—
2. Абсолютность и относительность истины	45
3. Истина всегда конкретна	55
4. От абстрактного знания к конкретному	62
Глава IV. ПОЧЕМУ ВОЗНИКАЮТ ЗАБЛУЖДЕНИЯ?	69
1. Кто как полагал	—
2. Бытие человека и заблуждения	73
3. Гносеологические корни заблуждений	78
4. Доказательство истин и опровержение заблуждений	84
ИСТИНА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (закключение)	91

Заведующий редакцией **А. И. Могилев**

Редактор **В. П. Копп**

Младший редактор **Е. С. Молчанова**

Художник **Е. П. Суматохин**

Художественный редактор **В. И. Терещенко**

Технический редактор **О. М. Семенова**

Сдано в набор 17 ноября 1971 г. Подписано в печать 18 февраля 1972 г.
 Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 4,20.
 Учетно-изд. л. 3,71. Тираж 70 тыс. экз. А00033. Заказ № 952. Цена 12 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
 Москва, Краснопролетарская, 16.

12 коп.

